

ОЛЕГ САВОЩИК

ЭТАЖИ

НЕБО ГИГАХРУЩ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Дрожит гермодверь. Бушует Самосбор...

Олег Савощик

Этажи. Небо Гигахруща

«Автор»
2025

Савощик О.

Этажи. Небо Гигахруща / О. Савощик — «Автор», 2025

Этажи, коридоры, лестницы и лифты – на многие километры вокруг. Размеры Гигахруща неизвестны. Что найдёт отчаянная экспедиция за границей обитаемых килоблоков? Наружность? Разумных отродий Самосбора? Секретные лаборатории отступников? А может, всё сразу?Неизвестно.Ведь никто раньше не отправлялся в эти коридоры. Никто раньше не пытался устроить бунт в ликвидационном Корпусе.Никто раньше не пытался сбежать из отделения НИИ Слизи строжайшей секретности. Никто не пытался спасти детей от бесчеловечных экспериментов.

© Савощик О., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Кандидат наук 5
I 5
II 8
III 13
IV 20
V 22
VI 30
VII 34
VIII 39
IX 45
X 50
XI 54
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Олег Савощик
Этажи. Небо Гигахруща

Кандидат наук

I

Изучая немногочисленные научные труды, дошедшие до нас с момента появления Гигахрущевки (а возможно, и со времен Строения), мы периодически встречали упоминания изобетона – некоего элемента, наделяющего всю эту громадную конструкцию необходимыми для существования свойствами (одно из которых не позволяет ей рухнуть под весом тысяч этажей). Забегая вперед, отметим: именно в нашем проекте впервые возникло предположение, что изобетон когда-то стал причиной неконтролируемой репликации блоков. Некоторые мои коллеги пошли дальше и выдвинули гипотезу о связи изобетона с процессом Перестройки.

Как бы то ни было, изобетон долго оставался лишь нерешенным уравнением на бумаге. Подтвердить его существование не смог ни один из имеющихся методов анализа: выявить десятитысячную долю процента примеси в составе обычного бетона – все равно что подточить блохе коготки, используя напильник…

«Общая теория изобетона». Из доклада академика Смирнова.

– Трешка, а! Каково?!

Голос Артема зазвенел в светлых стенах и беленых потолках, раскатисто и по-хозяйски разлетелся по комнатам, отразился в каждом из сорока восьми с половиной квадратных метров новой жилплощади. Пятидесяти, если считать с кладовой.

Димка всхрапнул и сонно заерзал на руках матери, тычась носом-кнопкой в воротник ее блузы. Полина крепче прижала ребенка к себе и с упреком глянула на брата.

Артем подмигнул в ответ, добавил тише:

– Заживем!

– Заживем, – отозвалась Таня, тяжело опускаясь на единственный кухонный табурет. Ее живот только начал округляться и в складках свободного платья был практически незаметен. – Без тебя.

Артем посмотрел на жену, и взгляд его был красноречивей лозунгов с агитационных плакатов. Зачем тебе вести себя так, – спрашивали глаза его из-под сведенных бровей, – почему ты не можешь порадоваться вместе со всеми? Разве ты не понимаешь, какие меня ждут перспективы, всех нас? Со многими ли ты знакома, у кого есть своя трешка в хорошем блоке, – читалось в густеющей тьме, поднятой с глубины зрачков, – так почему бы тебе просто не быть благодарной, женщина? Думаешь, мне хочется оставлять тебя? Ты знала, за кого выходила, – напомнила вертикальная морщина чуть повыше переносицы, столь глубокая, что, казалось, вот-вот расколет лоб, – так какой смысл в том, чтобы тянуть из меня сейчас жилы?

Но Таня сидела отвернувшись и не видела его лица. Тогда Артем вздохнул и припал губами к ее макушке. Запах ее волос, такой родной и домашний, всегда его успокаивал.

Жену Артем любил. Глупо жениться на той, кого не любишь, считал он, и безответственно не любить ту, на ком женился. Но иногда ее излишняя бабья сентиментальность раздражала.

– Это ненадолго, – только и сказал вслух.

Сам не представлял, сколько в этом правды. Как часто его будут отпускать к семье, разрешат ли созваниваться? «Перевод на закрытый объект», – громыхнуло распоряжение сверху, и слова эти выросли границами из стали и бетона. Он и не спорил – с людьми, чьи печати стояли на приказе, не больно-то поспоришь.

Ничего, потерпят, не развалятся! Что ж это за любовь, спрашивается, если небольшая разлука может по ней трещину пустить? На таких семьях коммунистическое будущее не построишь.

Полина опять же поможет, не зря он ей комнату выделил. Обустроятся девчонки, сами не заметят, как приживутся. Присмотрят друг за дружкой.

Квартиру Артем обошел трижды, придирчиво осматривая каждый угол и повторяя про себя: «Трешка. Сорок восемь с половиной квадратов. Сорок восемь целых, пять десятых. Плюс кладовка!»

Он пощелкал выключателями – все лампочки горят. Проверил сливной бачок – не течет. Пустил воду из крана – горячая; набрал в жменю и понюхал, не несет ли ржавчиной, – нет, не несет. Включил плиту – и тут все исправно, блины греют как положено.

Все детство они с Полиной и родителями вчетвером ютились на шестнадцати метрах, делили с соседями санузел и кухню. Мог ли Артем тогда представить такой поворот? Сорок восемь-то против шестнадцати, а! Еще и с телевизором, да не с каким-нибудь, а с семьсот двадцать вторым «Витязем» – цветным! Радиоточка здесь тоже была, с виду целая, но приемника не нашлось, чтобы проверить.

Нет, не мог представить. И студентом, засыпая на скрипучей раскладушке в университетском общежитии, – не мог. И после, падая от усталости на не менее скрипучий диван уже в соседнем блоке – для младших научных сотрудников, – тоже. Не мечтал даже, а вот оно – сбылось.

Кладовка оказалась доверху завалена хламом, который не успели разобрать к заезду новых жильцов, и грозила обрушить коробки с барахлом, стеклянные и жестяные банки, железные ящики и Самосбор еще знает что на голову нерасторопному новоселу. Артем окинул все это тоскливым взглядом и решил, что разберется позже.

По углам прихожей отошли обои, зато линолеум везде постелили будто только с фабрики: блестящий, сапогами не затертый, не продавленный мебелью.

Вот мебели не хватало. Хлипкий стол на кухне, низкая табуретка, две кровати по комнатам да антресоли – никуда не годится. Зачем было вывозить остальное, Артем не догадывался, видимо, забрали совсем рухлядь. Кухонный гарнитур оставили, с полным комплектом посуды в ящиках, и на том спасибо.

Без шкафов, тумбочек и сервантов квартира казалась еще просторнее, а все нужное он закажет. Ему так и сказали: «составьте список, товарищ Гарин, обеспечим всем необходимым».

Семь циклов он корпел над кандидатской. Потом еще два пытался подтвердить на практике гипотезу, которую сам же и вывел. Сколько человек могло похвастаться ученой степенью в его возрасте? Тридцать шесть за все время существования Института! Он проверял.

Артем заслужил эту квартиру, каждый метр ее заслужил.

Полина уложила Димку и помогала теперь Тане разбирать вещи. Нажили, как выяснилось, немного: хватило трех чемоданов на троих взрослых и одного ребенка, чтобы все перевезти.

– К отцу не зайдешь? – спросила Полина будто ненароком, будто вскользь, но на самом деле подкралась, чтобы цапнуть за больное.

– Не успею, дел еще много, – соврал Артем.

Никаких неотложных дел у него не было, но тащиться сейчас на двести пятьдесят этажей вверх, чтобы только омрачить себе радость переезда, он бы себя не заставил.

– Ты и так пропал, не писал, почти не звонил. – Полина сдула со лба непослушную челку. – Он обидится.

– Ему не привыкать, – отрезал Артем.

Спорить лишний раз с сестрой не хотелось, но и отступать от своего – тем более.

Открыл холодильник да так и застыл, как дурак, держась за дверцу и выпуская холод. С минуту пялился на забитые полки, затем хмыкнул самодовольно и принялся выкладывать консервы на стол, привлекая женщин громким стуком.

– Ну буржу-уй! – протянула Полина, завидев красные наклейки.

– Кандидат наук! – поправил Артем с улыбкой. Гордость распирала так, что не спрятал бы выпяченную грудь и за сотней бушлатов, даже если бы собирался.

Заслужил, Гарин, все заслужил!

В одном из чемоданов отыскалась открывашка. Таня не стала дожидаться, пока в кастрюле закипит вода, лопала биоконцентрат холодным прямо из банки.

– Бурый. – Она блаженно прикрыла глаза. – Маме, как передовику производства, по праздникам выдавали. С детства его не ела, а вкус этот помню.

– На сколько же передовиков здесь хватит? – спросила Полина тихо.

– Ешьте, ешьте, будет еще, – пообещал Артем. – Теперь у нас все будет!

Партия никогда его не подводила. Молодой перспективный ученый попросил сформировать исследовательскую группу для своего проекта – на тебе группу. Попросил выделить новое оборудование для экспериментов – выделили. Пусть не сразу, не один квартал он обивал пороги нужных инстанций и не два, но выделили же!

Когда затребовали его перевода, удивился, возмутился даже. Его открытие может повлиять на будущее всего Гигахруща, и тут – нате вам, распишитесь! Куда его? Почему именно сейчас, когда после успеха контрольных испытаний началась самая-самая работа?

«Все подробности на месте, – сообщили. – Там ваши мозги нужней».

Мог заартачиться? Не изменить что-то, так хоть для виду, для себя, чтобы знать – внутри тебя стержень, Гарин, а не каша с комочками. Мог, но не стал. Личное дело бы только попортил.

А Партия не подвела и здесь – трешкой поближе к службе вон обеспечила, спецпайком для семейства, да каким!

Артем любовался тем, как Таня уплетает концентрат. В последнее время ресницы ее будто стали гуще, кожа разгладилась, а со щек не сходил легкий румянец. Беременность ей шла. Артем старательно выучил это лицо, вызубрил, чтобы оно всегда оставалось с ним, куда бы ни занесла его нелегкая.

Дура она, если и впрямь считает, что он не будет скучать. Еще как будет.

Но Партия его ни разу так и не подвела, и теперь он не мог подвести Партию.

II

Когда речь заходит о таком явлении, как Самосбор, привычная физика пасует; не существует ни одного достоверного способа с точностью узнать, что же происходит в коридорах за закрытыми гермодверями. Связь с изобетоном напрашивалась сама собой, но природу этой связи мы не понимаем и по сей день. Есть основания полагать, что изобетон реагирует на приближение Самосбора и переходит в так называемую «активную» фазу. Именно это изменение и регистрируют подключенные к системе оповещения датчики.

Далее, под влиянием Самосбора изобетон выделяется в свободном виде, его буквально «высасывает» из стен и перекрытий. Именно в этот момент он впервые поддался регистрации предложенным нами методом…

«Общая теория изобетона». Из доклада академика Смирнова.

К началу смены Артем подготовил наградной пиджак – двубортный, всего пару раз ношенный, – выдали вместе со степенью за вклад в науку. Берег обновку для особого случая. Темно-зеленая ткань, что называется, с отливом лоснилась в свете ламп, массивные пуговицы из полированной латуни сверкали гирляндой.

С семьей распрощался тепло, но скоро, без сантиментов. Жене поцелуй в щеку, сестре – в лоб, Димку потрепать по загривку, подхватить изрядно полегчавший чемодан и – за дверь. Нечего сырость разводить, не в ликвидаторы его забирают, в самом деле.

Вещей с собой много не брал, обойдется малым: пара сменного белья, сорочка свежая, запасной ремень, бритва электрическая, мыло и зубной порошок, баночка гуталина. Остальное получит на месте.

Лифта решил не ждать, с шестого на первый спускаться всего ничего.

Мелькнула запоздалая мысль: может, стоило все же зайти к отцу? Глядишь, и отыскал бы слова для старика, не из сердца бы достал, так хоть из головы. Сердцу доверять нельзя, зазеваешься – и ядом изойдет, потравит обоих. А из головы оно надежнее будет.

Зря не зашел.

К судьбе Артем относился скептически, но как еще назвать, когда его через половину Гигахруща отправляют сюда, обратно в блок, где он вырос? Пусть и на пару сотен пролетов ниже.

Так далеко он никогда не заходил, их еще мальчишками стращали, что на первых этажах держат трудовые лагеря, куда забирают двоечников и заставляют крутить педали, питая электричеством «верха». В каторжных школьников на динамо-машинах Артем не верил, да и двойка у него стояла всего одна, по трудам, но ниже сотого старался носа не показывать. На всякий случай.

Сейчас он бы предпочел спуститься в ГУЛАГ, чем поговорить с отцом.

Первый оказался самым обычным жилым этажом, даже не распределителем, что немного расстроило – Тане с Полиной придется ездить за припасами на пятидесятый. Артема ждал путь через КПП в соседний килоблок, затем второй пропускной пункт, еще три гражданских блока и… «объект». Действительно близко, хоть на обед домой забегай, если только учреждение с безликим названием «объект» можно так просто покидать.

Квадратная гермодверь КПП была распахнута настежь; по ту сторону, у грузового лифта, какой-то работяга препирался с дежурным.

– У тебя что, образование два класса?! Вот тебе задачка, дано: лифт за раз перевозит восемь бочек. Вопрос: сколько ходок надо лифту, чтобы спустить десять бочек? У меня дочка второклашка быстрее тебя сообразит!

Дежурный слушал со скучающим выражением лица. Телом-то он был на службе – вон как вытянулся по струнке, да еще во всем черном: сапогах, рубашке, галифе; даже бляха на ремне будто ваксой замазана, и только повязка на рукаве не красная, как у дружины, а зеленая, – но мыслями блуждал где-то далеко.

– Я объясняю, – сказал со вздохом. – Разгрузка только в полном объеме. У тебя в накладной сколько бочек? Десять. А я вижу восемь.

– Так не влезают, они, родной, о чем тебе толкую! – Раскрасневшийся рабочий стянул с головы кепку и утер ею лоб. – Ну дай ты разгрузиться, я тебе через пять минут еще две спущу.

Дверь-гармошку лифта успели отодвинуть, бочки дожидались своей участи, составленные в два ряда – четыре на четыре. В таких отправляли на переработку использованное машинное масло с ближайших заводов. Больше места в кабине и впрямь не было.

– Не положено. Разгрузка только в полном объеме…

– Да как я тебе этот объем сюда запихну, ты глаза-то разуй! Или прикажешь мне те две бочки на горбу по лестницам тащить?

– Две не надо, надо десять, чтобы в полном…

Артем, не в силах больше терпеть, уже собирался вмешаться в этот бестолковый спор, как на него налетел кто-то со спины, толкнул вроде и несильно, но неожиданно. Его качнуло, он вскинул руки, будто пытаясь ухватиться за невидимые перила, и едва не выронил чемодан.

– Извини, друг, не заметил!

Артем оглянулся – ну да, легко не заметить его в пустом коридоре, как же, – и поспешил отступить подальше от странного мужика в линялой сорочке. Мужик виновато улыбался. Было ему слегка за сорок, тело имел тощее, но жилистое и какое-то все бугристое, будто кожа его села со стирки, стала не по размеру и только сильнее обтянула выпирающие кости и сухие кочковатые мышцы.

– Папиросу будешь? – Смотрел он по-молодецки остро, с лихим прищуром.

– Не курю.

– Вот и правильно, тогда и я не буду. Мне за компанию веселее. Шилов я, Миша.

– Гарин. Артем.

Рук жать не стали.

– Что, встрял? – Шилов кивнул на дверной проем. В тамбуре перед лифтом прибавилось постовых, все с интересом наблюдали за развитием событий. Рабочий уже вцепился в тележку с бочками.

– Начнешь разгрузку без команды – пристрелю, – спокойно сообщил ему дежурный, впрочем не тронув кобуры.

– Я ведь тоже работал этим, из ваших, – сказал Шилов, беззастенчиво смерив Артема взглядом. – На КПП, бывало, часами стоял, пока одному контрабандную бета-гальванику из жопы выковыривают, а другой пытается всех убедить, что двадцать тюбиков биоконцентрата ему для личного пользования. Вот пиджака у меня такого, правда, не было. Загляденье, а не пиджак!

Артем не ответил. Он не знал, за кого принял его этот болтун, и знать не хотел. Шагнул было к пропускному пункту, как вдруг Шилов вновь оказался рядом. Вроде и не преградил дорогу, а вроде и заслонил плечом, не пройти теперь, не задев.

– Так ты здесь проездом или как?

– Тебе-то чего? – скрипнул зубами Артем. Вот же свалился на его голову!

– Пропуск у тебя, говорю, какой? Одноразовый или служебный?

– Специальный.

– А ну-ка…

Движения у Шилова уверенные и естественные; вот он берет Артема под локоть, как старого приятеля, разворачивает и, мягко подталкивая в спину, отводит на несколько шагов

от КПП. Артем и не замечает, не противится, будто так и надо, будто и нет у него других дел. А Шилов уже шепчет, обжигая дыханием с запахом махорки:

– Подсоби-ка мне, дружок. Пропуск я свой потерял, вот как бывает, а мне в тот килоблок смерть как попасть надо. Дочка у меня там, понимаешь, сегодня десять циклов празднует. Юбилей, считай, первый в жизни! С бабой-то мы моей как разошлись, так я дитя вообще не вижу, а новых бумажек сам знаешь сколько ждать. Никак нельзя мне сегодня не прийти.

– Руки-то чего пустые?

– А?

– Подарок, спрашиваю, где, раз к дочке идешь?

Шилов моргнул в задумчивости, отмахнулся:

– Так подарил уже, раньше еще. Звезду буденновскую! На портфель себе пришьет – красотища! Все одноклассники обзавидуются.

Угораздило же тебя, Гарин, думалось Артему. По глазам он все видел хитрым, всего Шилова мог разглядеть через светлые радужки-оконца, всю натуру его скользкую.

– Ну не мнись, чего ты? Я тут недалеко, в соседнем блоке живу, в «Эшке». Меня тут все знают, кого хочешь спроси! Какой из меня социально опасный элемент?

Он развел руками и покрутился на месте. Ну, артист…

– Пропуск именной, на нас с женой выписан. – Раз иначе никак, Артем решил отбиваться аргументами. – За бабу ты не сойдешь, так как же я тебя проведу?

– Дай-ка гляну.

Артем выудил из нагрудного кармана аккуратно сложенный листок. Тыкнуть в нос прилипале, только бы отделаться поскорей.

– Так вот же место пустое, – сказал Шилов, изучив бумагу. – Сюда меня и впишем.

– Чем вписывать собрался, карандашом? – Артем не сдержал усмешки.

– Зачем карандашом? Вот!

Шилов демонстративно достал из брюк лакированную ручку. Снял колпачок, уколол себя пером, оставив на запястье фиолетовую точку. Артем следил, не моргая. А прилипала-то, оказывается, не прост! Кто попало с такими ручками не ходит.

Стойкие фиолетовые чернила давно стали нормативными для бухгалтерского учета, архивных записей и административных бумаг. Их было сложно вывести, еще сложнее фальсифицировать ими написанное. Без них в Гигахруще не обходился ни один официальный документ.

Артем снова упустил момент, когда его пропуск попал в прыткие руки Шилова. Со стороны могло показаться, что он сам его отдал.

Шилов уже выбрал на стене место поровнее, тщательно разгладил лист. Что, если он впишет сейчас куда-нибудь не туда или все испортит жирной кляксой? Что, если их раскроют… Артем почувствовал, как сердце срывается с троса и летит в темную шахту, куда-то к лагерям ГУЛАГа, а может, еще ниже, в полумифический подвал.

Ловкие пальцы Шилова управились быстро, и вновь застучало у Артема в груди, вновь потекло по жилам.

– Полюбуйся!

Шилов Михаил Федорович занял третью строчку, рядом в скобках значилось «сопровод.» Но главное – почерк, такой косой и размашистый, был не просто похож, он был тем же. Один в один.

Артем кивнул с невольным уважением.

– Ну, чего стоим?

Шилов бодро направился к пропускному пункту, где и не думала стихать ругань. Переступив высокий порог, Артем увидел рабочего, который протиснулся между бочками и стенкой кабины.

– Я новые накладные выпишу! – грозился он, пока за ним закрывали гармошку. – По одной на бочку, десять штук! Все у меня по очереди принимать будешь и на каждую мне путевой лист отдельный оформишь, по всем правилам! Каждую запятую проверю, будь уверен!

Тросы уже потянули кабину вверх, а голос из шахты все не затихал.

– Так, мужики, давайте-ка шустрее, торопимся мы! – Шилов, как знаменем, размахивал пропуском.

– Ты-то че тут забыл, Федорыч? – отозвался один из постовых. – Вали давай!

– Чего там у вас? – зевнув, поинтересовался дежурный.

– К важному человеку меня сопровождающим приставили, вот чего!

Артема не досматривали, даже чемодан не попросили открыть, – количество штампов на пропуске говорило за себя. А вот Шилов, похоже, не соврал, знали его здесь действительно хорошо, потому ощупали с ног до головы: и ботинки велели снять, и под исподнее залезли.

– Перышко ваше пока заберите. – Шилов не моргнув глазом протянул Артему ручку.

Пока длился обыск, Артем поглядывал на часы. Вышел он сильно загодя и на объект успевал, но ему не терпелось поскорее избавиться от настырного провожатого.

– Вы с ним повнимательней, товарищ ученый, – предупредил дежурный, косясь на Шилова. – Как вас такому пройдохе доверили, ума не приложу.

Стоило оставить КПП позади, и у Шилова вновь развязался язык.

– Выручил ты меня, дружище, крепко выручил. Не забуду, ты не думай! Ты заходи, если что, по любому вопросу. Я тут всех на пару килоблоков окрест знаю, что хочешь могу достать. – И под взглядом Артема он поспешил добавить: – В рамках закона, разумеется.

Они прошли одну гермодверь, разделяющую блоки, затем другую, а Шилов все говорил и говорил, в гости зазывал. Наконец остановились рядом с лифтами.

– Тебе куда? – спросил Шилов.

– Прямо.

– Ну, значит, расходимся. Мне бы это…

– А, точно. – Артем отдал ручку. – Откуда она у тебя?

Что за вопросы, Гарин? Так он тебе и признается.

– Я ж говорил, что в свое время по килоблокам довелось помотаться… – туманно ответил Шилов.

Что-то в нем поменялось, вмиг слетела вся его показная уверенность и бойкость. Стоял, не спеша уходить, мялся, потирая кулаки. Чего, спрашивается, ждет?

– Что еще?

– Там, в кармане у тебя… – Шилов набрал в грудь побольше воздуха. – Кое-что мое. Мне бы забрать.

– Что за чепу… – Артем похлопал себя по пиджаку и осекся, слева что-то шоркнуло, как примятый картон.

Медленно, очень медленно Артем залез в карман, будто ожидая найти там самосборову слизь, и вынул плоскую упаковку. Рука похолодела. Таблетки? Все препараты в Гигахруще подлежали строгой отчетности, попытки протащить что-то через КПП карались строго и зачастую на месте, и ученой степенью вряд ли прикроешься.

– К-как? К-когда успел?.. – Артем запинался от возмущения. КПП совсем близко, подмывало вернуться и все рассказать дежурному. – К дочери, з-значит? П-подсоби, значит?!

– Тихо ты, чего разорался? – Шилов оглянулся и вырвал упаковку из дрогнувшей руки. – Ладно-ладно, нет никакой дочери. Парень есть, не мой, но тоже хороший, молодой. Болеет он, пневмония…

– Так его в лазарет тогда…

– Да он уже в лазарете! Нет там в лазарете ни хрена, кислота аскорбиновая да бальзам «Звездочка»! Ему жаропонижающие хорошие нужны, антибиотики нужны. У нас в медблоке

на первом этаже всего в достатке, с излишками, а там – шиш! Они запросы строчат каждый семисменок, а им одни бинты везут да вату. А без бумаг, сам понимаешь, через КПП никак. Ну не веришь мне, так со мной поехали, тут всего-то на двадцать пятый подняться!

Глаза его стали серьезными, без проблеска. Теперь это были совсем другие оконца, и Шилов за ними – другой.

Ему, другому, Артем поверил.

– Подставил я тебя, скажешь? Твоя правда. И спросить ты с меня можешь по справедливости. Постовым заложить, а то и сразу в ЧК. Но тогда и у них спроси – раз уж по справедливости, – как так получается? Что в одном месте густо, а в другом пусто. Что человека без бумажки и не спасти. Вот он, рядышком, из одного килоблока в другой за пятнадцать минут, мигом, бегом – и спасешь! А нельзя. Спросишь?

Партия Артема никогда не подводила. И разговоры о тех, кто сгинул в ее режиме, действовали на него не хуже, чем сирена перед Самосбором. Он закрывал внутри себя герму, отсекая все звуки. Работай, Гарин, твердил он себе, честный труд не создаст дефицита. Работай, а остальных не слушай.

Но сейчас перед лицом этого сухощавого проныры, лжеца и, скорее всего, спекулянта закрыться никак не получалось, и Артема это только сильнее злило.

– Топай уже, – бросил он.

Шилов кивнул и вдавил кнопку лифта. Где-то вдалеке заскрипели тросы.

– Эй, ученый! – окликнул Артема Шилов и показал ему кулак с оттопыренным большим пальцем. – А пиджачок у тебя все-таки – во!

III

Пытливый читатель наверняка обратил внимание на нелепость названия, ведь изобетон не является изотопом какого-то известного химического элемента и уж тем более не является химическим соединением. Чем же он является? Было бы самоуверенно, если не сказать глупо, предполагать, будто нам это известно. Атомная модель изобетона не укладывается в фундаментальную физику, а если бы нам довелось описывать строение его ядер, уверен, речь бы не шла о привычных нуклонах.

Изучение изобетона осложняется его нестабильностью: в свободном виде период жизни элемента составляет ~22.24 секунды. Со временем нам удалось разработать метод с использованием сверхнизких температур, позволяющий существенно продлить этот срок: до 2 часов и ~53 минут. Это стало первым шагом к открытию удивительного свойства изобетона: распадаясь, он наделяет вещество совершенно новыми физико-химическими характеристиками. Уже сейчас разработаны и экспериментально опробованы технологии по созданию сверхчистых металлов, идеальных проводников, сверхлегких и сверхпрочных сплавов (в 2 раза легче и в 4 раза прочнее титана).

К сожалению, массовое внедрение в промышленность на данный момент остается невозможным, в первую очередь из-за тяжести добычи, транспортировки и хранения чистого изобетона, а также технической сложности и трудоемкости обслуживания Ловушки Смирнова (Прим. авт.: на утверждении названия настояла научная общественность, автор от него отказывался, считая излишне претенциозным). За последний цикл удалось добыть лишь ~2 грамма изобетона, но в ближайшие циклы мы рассчитываем увеличить этот показатель до 5 граммов.

Нам остается продолжать работу и надеяться, что наступит смена, когда в свете науки вскроются все тайны, не побоюсь этого слова, главного элемента Гигахрущевки, и все возможности изобетона послужат на благо трудящихся, строящих коммунистическое будущее!

«Общая теория изобетона». Из доклада академика Смирнова.

Кофейная гуща скрипела на зубах. Артем цедил остатки из кружки и бездумно пялился в белый прямоугольник на стене. Лампа диапроектора была единственным источником света в комнате, ее едва хватало осветить заваленный папками стол и аккуратный ряд картриджных магазинов. Остро пахло нагретой пленкой.

Артем оглянулся. Тьма подступила со спины, приобняла за плечи. Такая глубокая, что, казалось, за ней нет больше стен, дверей и коридоров, что весь Гигахрущ стал лишь пустой оболочкой, вместилищем тьмы.

Наручные часы вернули связь с реальностью – он просидел тут всего-то около двух часов, – но легче от этого не сделалось. Чем больше Артем погружался в предоставленные ему материалы, тем меньше понимал, зачем вообще здесь находится.

На проходной его встретил ликвидатор и долго изучал документы на перевод, чуть склонив голову и будто к чему-то прислушиваясь. Артем помнил, как отсырели его внутренности, пока он пытался разглядеть глаза за мутными стеклами противогаза, угадать хоть что-нибудь человеческое в фигуре из резины и кевлара. Так близко бойцов Корпуса он видел впервые.

Затем его представили руководителю проекта Павлютину – затрапезного вида мужичку в очках с толстыми линзами.

– Как же, как же, наслышан! – бойко поприветствовал тот нового старшего сотрудника. – Защитить кандидатскую до тридцати, никак у нас новое светило! Берегите зрение!

Артему он сразу не понравился: ни тон его фамильярный, ни узкая мордочка с близко посаженными, влажно блестящими глазками.

Павлютин его в эту комнату и привел.

– Изучи-ка, – бросил и тут же ретировался, прикрыв за собой дверь. Спустя час принес кофе.

Артем с досадой заглянул в давно опустевшую чашку. Мучила жажда, но идти просить вторую порцию он как-то постеснялся. Потер виски, снова потянулся к бумагам. Так, Гарин, давай сначала…

Первые испытания изобетона на человеке проводились еще тридцать циклов назад. Полностью безопасный вне организма элемент, попадая внутрь, вызывал сбой в работе живых клеток, разрушая их или приводя к неконтролируемой мутации.

Все это Артем знал и так, он всегда считал подобные эксперименты бесцельной тратой драгоценного ресурса. Но на них исследования не завершились.

Они осели в формулах, бесконечных таблицах с результатами анализов, в графиках и отчетах, в генетических картах и снова в формулах – сплошная биохимия, в которой Артем практически ничего не смыслил. Приходилось пролистывать километры записей, чтобы добраться до скупых выводов.

Дозировку изобетона рассчитывали опытным путем, замедляли или, наоборот, ускоряли распад, опробовали нестандартные методы транспортировки элемента к различным группам клеток… Все это, только чтобы однажды выяснить – при определенных условиях изобетон не распадается в организме полностью, а частично оседает в узлах нервной системы. Сам организм при этом должен быть быстрорастущим, пластичным, восприимчивым к влиянию среды.

Эмбрионы на начальных стадиях развития подходили идеально.

Артем щелкал переключателем диапроектора, на слайдах мелькали обескровленные лица женщин, держащихся за животы, люди в масках и белых халатах.

Щелк-щелк. Трещал магазин, сменяя картридж за картриджем.

Снова какие-то диаграммы, чуть засвеченные, а оттого практически не читаемые, даже с большого экрана, запеленатые младенцы в люльках…

Артем встал, чтобы размять ноги, обошел стол кругом. Его тень легла на стену, обрезав очередной слайд.

Здесь было не все, догадывался он. Цели исследований до сих пор оставались туманны, а вместо внятных итогов ему подсунули сухую выжимку.

Он нигде не нашел упоминания о количестве подопытных. Сколько пришлось сделать неудачных попыток, прежде чем родился первый ребенок с изобетоном в нервной системе? Сколько элемента потратили впустую? Сколько циклов Ловушку Смирнова гоняли по этажам, чтобы обеспечить все нужды сомнительных опытов?

А главное, Артем по-прежнему не видел ничего общего со своей работой. Зачем он здесь?

Тащить весь груз вопросов к начальству прямо сейчас было рановато, да и слегка неловко. Считай, с ходу расписался бы в собственной некомпетентности. Но и долго делать вид, что ему все предельно ясно, тоже не получится.

От мук выбора его избавил щелчок гермозатвора. Тьму на другой половине комнаты рассек свет из дверного проема, затем показалась плешивая голова Павлютина.

– Ну как, вкратце ознакомился? Пойдем, введу тебя в курс дела.

***

Командирская, как шутливо прозвал ее Павлютин, совмещала в себе наблюдательный пункт, пункт приема пищи и комнату отдыха. Одну ее часть занимал пульт с дюжиной мониторов, у противоположной стены примостились изрядно продавленный диван, холодильник и

железный умывальник с ржавыми углами. Тут и там росли шаткие башенки из книг, пузатых папок и перетянутых бечевкой бумаг; беспорядочная композиция неровно уложенных страниц с загнутыми краями и разноцветных корешков – каждый как отдельный этаж – наводила на мысли о Гигахруще в миниатюре. Обеденным столом служил зеленый стол для тенниса.

– Значит, смотри: у нас три этажа в одном блоке, – живо рассказывал Павлютин, тыкая пальцем в мониторы. – Мы на первом, здесь же проходная, наши жилые ячейки, архив. На минус первом испытуемые, комнаты воспитательниц, учебный кабинет и карцер.

Артем присмотрелся к экранам. На одном из них девочка циклов восьми рисовала мелками прямо на полу своей комнаты. На втором мальчик, на вид чуть постарше, играл с попрыгунчиком, ловко запуская его в стену и ловя обратно. Других детей, если они и были, Артем не увидел.

Павлютин нажал кнопку на пульте и наклонился к микрофону.

– Девочки, ну если вы не можете заставить их спать в тихий час, то проследите хотя бы, чтобы Интерна не ползала по холодному полу, ну сколько можно повторять? Простудится же, а нам опять лечи.

Воспитательницы с монитора по соседству встрепенулись, одна из них, отложив игральные карты, пошла проверить подопечную.

– Так, о чем это я… – Павлютин поправил очки. – А, да, второй этаж: лаборатория и медблок, рядом живет наша беременная.

Женщина, на которую он показал, спала, отвернувшись к стене.

– Младший персонал: четыре воспитательницы, они же медсестры, они же учителя.

– А остальной научный состав? – спросил Артем, разглядывая пульт.

– Остальной… – Павлютин хмыкнул.

Он взял со стола открытую банку с остатками подсохшего биоконцентрата, принюхался. Скривившись, метнул в мусорное ведро к таким же, с красными наклейками.

– Я тебе весь состав. Мы теперь. Ты да я да мы с тобой.

Он достал замызганный носовой платок и громко высморкался. Сложив его вдвое, им же протер ближайшую половину стола от пыли.

– Когда-то здесь была целая научная группа – лучшие умы Гигахруща! Нам с тобой не чета. Ну а после… вон оно как обернулось. Быстрых результатов проект не дал, кто-то наверху устал ждать, а у Партии, так скажем, сместились приоритеты. Расформировали твой состав, только я остался.

Артем молча опустился на свободный табурет. Колени отказывались сгибаться, взгляд бездумно скакал по разбросанным на столе костяшкам домино. Да и что теперь сказать, с кого спрашивать? За то, что сняли его с перспективных исследований, за нового руководителя, который ему прямо в глаза – и не совестно же! – говорит: проект давно мертвый, перспектив нет…

– Ну что ты поник? Работка-то не пыльная. Биоконцентрата хоть обожрись, сухари, кофе, соль, рафинад – сколько хочешь. Если куревом балуешься, тоже обеспечим. В теннис играешь?

Артем смотрел на серый, в желтых разводах, халат Павлютина, на его очки с замотанными изолентой дужками, на жирно блестящие, куцые остатки волос и не удивлялся, почему такого человека все устраивает. Павлютин в целом производил впечатление личности праздной, бесконечно далекой от всяческого проявления инициативы. Сколько ему, циклов пятьдесят, если не больше? А до сих пор с кандидатской степенью ходит. Немудрено.

Ко всему еще и неряха.

– Работа-то в чем? – спросил Артем, вперившись взглядом в носки своих туфель.

– Говорю же, ничего сложного. Наши методы исчерпали себя, был приказ остановить активные эксперименты до особых распоряжений. Теперь только наблюдение за детьми и фик-

сация всех странностей, ЭЭГ, ЭКГ, забор крови и мочи раз в семисменку, костного мозга – раз в цикл.

Артем незаметно ущипнул себя за запястье, боль отрезвила. Нет, не могла Партия его так подвести, должно быть что-то еще…

– Каких странностей?

– Я уж думал, ты и не спросишь. Пойдем!

Пока они спускались на минус первый, Павлютин продолжал говорить:

– Томик как-то ляпнул Интерне, что у них нет мамы с папой и что появились они из пробирки. Пошутить так решил, засранец. Что тут началось… Крики, сопли, всю смену не могли успокоить ребенка!

– Томик?

– Мальчик.

– Интерну, положим, я понимаю: интернационал. Но Томик?

– Торжество марксизма и коммунизма. Ну что ты так смотришь? Мы начинали под пристальным надзором партийной верхушки, имена пришлось давать соответствующие. Ты сюда лучше глянь.

Он показал на стену, где рядом с кнопкой лифта остались отпечатки двух детских ладошек.

– И? – Артем поднял бровь.

– Ты не понимаешь? Здесь не было пенобетона или какого-нибудь другого незастывшего раствора. Она просто в истерике толкала стену, воспитательницы вдвоем еле оттащили.

Артем нагнулся, чтобы получше рассмотреть. Следы глубокие, с ровными краями, кое-где еще торчит шелуха зеленой краски. Его и правда пытаются сейчас убедить, что под детскими пальцами бетон вдавился, как пластилин? Что за шутки?..

– Дальше пойдем, – тем временем подгонял Павлютин.

– Их тоже было больше? – спросил Артем в его затылок. – Детей.

– Конечно, – бросил Павлютин через плечо. – У нас не все получалось сразу.

Они остановились напротив учебного класса, у серой стены, тщательно зачищенной от краски.

– У Томика неплохие способности к геометрии, а вот с алгеброй не сложилось. После очередной двойки он выбежал из кабинета и со злости ударил в стену…

– Чем ударил? – Артем разглядывал темные щели в бетоне.

– Кулаком. Ты приглядись хорошенько.

Что-то было не так в этих параллельных линиях и прямых углах, слишком много порядка для случайных трещин.

– Они ровные, как под линейку. Будто…

– Схема, – подсказал Павлютин. – Точная схема десяти ближайших килоблоков.

– Многовато лишнего.

– Это если не знать, что здесь еще и коридоры подвала.

Артем медленно моргал, переваривая услышанное. Павлютин лыбился вовсю, наслаждаясь произведенным эффектом, затем выпалил, не давая опомниться:

– Это еще не все, осталось мое любимое!

Они прошли дальше по коридору, и там Павлютин открыл герму, протяжно скрипнувшую плохо смазанными петлями. Вынул из кармана фонарик и осветил тесную каморку.

– Карцер.

От одного вида бетонной коробки, где взрослому не получилось бы лечь во весь рост, горло Артема стянуло невидимой удавкой, а пиджак на пару размеров ужался в плечах.

– Видишь, вон там.

Луч фонаря уперся в голый пол – по его краям, у самых стен, тянулись бледные царапины, будто здесь ворочали что-то тяжелое.

– Согласно плану, размер помещения полтора на полтора, – продолжил Павлютин. – Так оно и было. Но если ты возьмешь рулетку, то обнаружишь, что сейчас оно метр шестьдесят два на метр семьдесят четыре. Каждый раз, когда здесь запирали детей, стены понемногу раздвигались. Миллиметра на полтора-два за смену, но все же. Скажешь, не удивительно?

Артем всегда считал, что человека науки удивить гораздо сложнее, чем рядового обывателя. Пока одни делят мир на возможное и невозможное, ученый видит его как свод гипотез и теорем и быстро привыкает к тому, что всегда чего-то не знает. Что весь его кругозор – лишь пузырек воздуха в мыльной пене. Только так можно поддерживать разум голодным. Железобетонная уверенность везде и во всем – контрацепция мозгов, лучшее средство от новых идей.

Нет, Артем не удивился. Но ему определенно было над чем подумать. В командирской он долго ходил кругами, потирая переносицу. Положим, Павлютину удалось разжечь фитилек его любопытства, но этого все еще не хватало высветить главное.

– Что еще они могут?

Павлютин не мешал Артему бродить по коридорам мыслей. Выставил на стол пару граненых стаканов, разлил по ним водку – настоящую, «Краснознаменскую»! – из стройной бутылки с высоким горлышком. Только прикрутив пробку на место, ответил:

– Пока немного, как видишь. В том и цель проекта – раскрыть их полный потенциал.

– Какой потенциал? Чего вы от них ждете?

Павлютин поднял стакан и отсалютовал Артему.

– За тебя, кандидат!

Громко выдохнув, он опрокинул в себя сразу граммов сто. Зажмурился, не торопясь закусывать сухарями из пакета, лежавшего тут же.

– Что такое изобетон? – Павлютин снял очки и отер взмокшее лицо платком.

Вопрос застал Артема врасплох. Он мог бы подобрать с десяток определений, и ни одно из них не оказалось бы исчерпывающим.

– Материя с управляемыми свойствами, – добавил Павлютин, не дожидаясь ответа. – Вот мы и ждем, что они будут управлять.

Он водрузил очки на нос и принялся собирать костяшки домино.

– Изобетон везде. В этой комнате и соседней. В каждом помещении на каждом этаже. Его очень мало и одновременно очень много.

Костяшки выстраивались друг за дружкой в ряд. Артем нетерпеливо дернул теннисную сетку – неужто его заставят сейчас выслушивать основы?

– Ты извини за простоту модели, это я для наглядности. – Павлютин поднял одну костяшку на уровень лица. Две шестерки. – И вот у нас есть ребенок, чья нервная система как-то со всем этим изобетоном связана.

Стукнул ею о стол чуть поодаль от остальных.

– Ребенок не может повлиять на этот изобетон в полную силу, не может дотянуться. Вероятно, потому, что изобетона вокруг все же слишком мало?

Павлютин дунул, и шестерки упали, не задев других костяшек. Те только слегка качнулись от движения воздуха, а Павлютин потянулся еще за одной, с двумя единицами.

– А вот твое небольшое открытие…

Артем не сдержался, скорчил гримасу. Небольшое! Он стабилизировал элемент, который пытались стабилизировать десятки циклов! Интегрировал в кристаллическую решетку алмаза, тем самым выведя из активной фазы распада – и это «небольшое открытие»?!

Тише, Гарин, одернул он себя. Этот самовлюбленный остолоп подтрунивает над тобой, только и всего. Вспомни, как он радовался отпечаткам детских лапок на бетоне, ему ли судить о каких-то величинах?

– Напомни-ка, какая там концентрация изобетона в твоих камушках?

– Двадцать миллиграммов на карат, – буркнул Артем.

– То есть в сто тысяч раз выше, чем в стенах Гигахруща, – удовлетворенно кивнул Павлютин и разместил костяшку с единицами между «ребенком» и «изобетоном». – Критическая масса, усилитель, если угодно. Возможно, именно через него детям удастся преодолеть некий порог и запустить цепную реакцию.

Легкое движение руки, и все костяшки сложились одна за другой.

Кристаллы Гарина – втайне он надеялся, что именно это название закрепится в научных кругах, – делали возможным длительное хранение и транспортировку изобетона, открывали новые пути в имплантологии и материаловедении, а на их базе должны были разрабатываться алмазные транзисторы, устойчивые к Самосбору…

Но вместо этого их отдадут малолетним подопытным, чтобы те могли лепить куличи из бетона и на пару сантиметров сдвигать стены. Все свое время, всю свою страсть, весь пучок измочаленных нервов ты, Гарин, оказывается, потратил на детскую игрушку!

– Теперь понял, кандидат? – поинтересовался Павлютин, заглядывая Артему в лицо.

– Понял, – ответил тот и для уверенности сделал большой глоток из своего стакана. Тут же закашлялся под писклявый смешок начальства – спирт едва не прожег себе второй путь к его внутренностям.

Ты все понял, Гарин, и все решил, – сказал он себе, вытирая набежавшие слезы. Сейчас ты пойдешь в свою жилую ячейку, возьмешь бумагу с карандашом и напишешь докладную. Лично на Павлютина, который пьет здесь водку и жрет бурый, играет в домино и впустую тратит казенные ресурсы. И который циклами – циклами! – дурачит партийное руководство, выдавая тупиковые исследования за какой-то там «потенциал».

А потом ты вернешься к своим разработкам, и плевать на эту трешку. Заслужишь новую, не хуже прежней, честно заслужишь!

То ли от выпитого, то ли от мыслей этих в груди Артема приятно потеплело, и он улыбнулся.

– Вижу, не понял ты ни хера, – не дал себя обмануть Павлютин. – Не убедил я, значит. Ну, давай еще кое-что покажу.

Он приблизился к пульту, ткнул несколько кнопок и повернул к Артему один из мониторов.

На записи с камеры видеонаблюдения безмолвный ликвидатор в своем неизменном черном противогазе поливал из шланга тощего мальчугана – Томика? Струя была такой силы, что буквально вдавливала костлявое тельце в угол комнаты, вода хлестала по голым плечам, руками и бедрам, за брызгами не выходило разглядеть лица.

– Их способности проявляются в моменты сильных эмоциональных потрясений. Боль, гнев и страх работают лучше всего. Чего мы только не перепробовали: и электрошок, и препараты, и телесные… гхм… наказания. Но так особо и не продвинулись. Кроме этого случая…

Ледяная, подумалось Артему, вода, должно быть, ледяная.

Холод пробежал по спине, такой, что не спугнешь глотком водки.

Напор ослаб резко, как отрезало, струя повисла плетью, а потом и вовсе оборвалась. Ликвидатор тряхнул шланг, расплескав остатки себе на сапоги.

Павлютин поставил запись на паузу и уже за столом вновь свинтил красную бутылочную крышку. Поймав непонимающий взгляд Артема, сказал:

– Вода. Вентиль никто не перекрывал. Просто в соседнем блоке на техническом этаже съехала бетонная плита и расплющила трубу. Инженеры из Службы быта не поверили глазам, уверяли, что такое невозможно, чисто технически невозможно, понимаешь? Что сама конструкция Гигахруща не подразумевает, что плиты могут вот так вот съезжать.

Артем не слушал. В висках билось только: докладную, немедленно, сейчас!

А Павлютин все говорил, продолжая обнимать бутылку:

– Ты представь: сегодня он плитой управляет, а завтра целым этажом, если не целым блоком. А послезавтра, глядишь, и самим Самосбором…

IV

Теория о том, что именно изобетон может становиться причиной Самосбора, не нашла подтверждения. Ловушка Смирнова, не раз успешно опробованная в обычном Самосборе, не показала никаких результатов в Самосборе сверхдлительном (чаще употребимо определение «вечном»). Из чего следует, что в помещениях с так называемым ЗВС или изобетона нет, или его содержание настолько мало, что не фиксируется устройством. Это наводит на любопытную мысль о непостоянной концентрации изобетона на этажах и о связи этой концентрации с продолжительностью Самосбора…

«Общая теория изобетона». Из доклада академика Смирнова.

С чекистами встречи искать не нужно, они сами тебя найдут. Вот и на объект один такой явился сам, без спросу занял кабинет Павлютина по соседству с командирской и вызвал нового сотрудника «на разговор».

На вид чекисту легко было дать все семьдесят, его пятнистая кожа сморщилась, как старый сапог, и обвисла складками на абсолютно лысой голове. Зато в остальных местах волосы росли щедро: жесткие седые щетинки топорщились из продолговатых ноздрей, лезли из ушей, а густые брови не смогла бы распутать ни одна расческа. Телосложение к своим циклам он сохранил по-военному крепкое, серая рубашка обтягивала прямые плечи, застегнутый на все пуговицы воротник обхватил могучую шею.

Чекист сидел, едва помещаясь в низком кресле Павлютина, и не таясь разглядывал Артема. Не смотрел даже, а прямо-таки шарил взглядом в черепной коробке. Оба молчали. Артем не представлял, стоит ли ему заговорить первым.

Докладную он, конечно, написал, и прошение о переводе тоже. Но показывать никому не стал, «на разговор» не принес. Рано потому что. Он остыл, поразмыслил и увидел себя со стороны. Начни он поднимать смуту сейчас – зарекомендует себя как человека поспешных выводов и никак иначе. Который сдался, не попытавшись. А с таким подходом в науке далеко не уйдешь.

Нет, он поступит умнее. Сделает вид, что взялся со всей пылкостью, получше разберется в теме, соберет побольше доказательств. И уж тогда выведет Павлютина с его бесполезными исследованиями на чистую воду.

– Как устроились, Гарин? – заговорил наконец чекист. Голос его был грудной, приятный. Ни дать ни взять дедушка, собравшийся рассказать сказку внуку. – Как квартирка? Все ли устраивает семью?

– Все хорошо, спасибо, товарищ…

Еще одна пауза. Чекист не представился сразу и, по-видимому, не собирался теперь.

– Если что-то понадобится, не стесняйтесь обращаться напрямую ко мне.

Он сцепил руки в замок. Пальцы его тоже были волосатыми.

– Слышал, скоро у вас пополнение. Мальчик, если не ошибаюсь?

Глаза его ничего не выражали. Они никогда не ошибаются, эти глаза, понял Гарин. От таких ни семью не укроешь, ни докладную на дне чемодана. Во рту пересохло, и Артем только кивнул.

– Уже придумали имя?

Было бы неудивительно, знай чекист и это.

– Да. Думаем назвать Сергеем.

– Ну а в целом как, папашей стать готовы?

Артем покосился на графин с водой и признался:

– Не уверен.

– Действительно, о чем это я. – Ответ чекисту будто бы понравился. – Можно пережить сотни Самосборов, исходить тысячи этажей с баллонами огнемета за спиной и думать, что все уже повидал. Но к детям… к детям никогда не бываешь готов по-настоящему. Я знаю, о чем говорю, сам вырастил четверых.

Мучаясь от сухости в горле, Артем едва сдерживал кашель. Чекист проследил его взгляд, снял с графина хрустальный набалдашник и до краев наполнил стакан. Артем облизнул губы, ставшие наждачкой.

Чекист пил. Долго, жадно, роняя капли на гладко выбритый подбородок со скоплением проступающих красно-синих сосудов. Тяжелый кадык его ходил поршнем вверх-вниз, туда-обратно. Закончив, он довольно причмокнул и отставил пустой стакан. Воды в графине не осталось.

– Дети… – повторил чекист задумчиво. – Это станет проблемой?

Артем моргнул. Как его будущий ребенок может стать для эксперимента проблемой?

– Простите, я не уверен, что до конца…

– Насколько я знаю, – перебил чекист, – раньше вам не доводилось работать с людьми в качестве… подопытных. Тем более с детьми. Не мне вам объяснять, что порой опыты заканчиваются не так, как нам хотелось бы, заканчиваются трагично. Но я должен знать, что вы, как ученый, пойдете до конца. Вы сами скоро станете отцом, и поэтому мне интересно ваше отношение к проекту с позиции… некоего гуманизма, если позволите.

– Все еще не вижу связи. – Артем пожал плечами. – Результаты научных трудов из смены в смену делают жизнь миллионов людей проще и лучше, спасают жизни. Наука гуманна сама по себе. Но научному методу быть гуманным не обязательно, зачастую даже вредно. Это отвлекает.

Чекист хмыкнул, утрачивая строгий вид: кажется, прямолинейность Артема на миг сбила его с толку. Он медленно опустил ладони на стол, будто прижал и разгладил невидимый ватман.

– Вас выбрали не зря, Гарин. Вы один из лучших специалистов по изобетону, каких мы знаем. Этому проекту нужна свежая кровь, давно пора вывести его из застоя. И не позвольте себе обмануться, недооценив важность этих исследований. Партия рассчитывает на вас, Гарин, не подведите ее.

Договорив, чекист нацепил очки в тонкой оправе, которая практически терялась на его широкой физиономии, открыл лежащую перед собой папку в картонном переплете и принялся царапать грифелем желтую бумагу. Исписав половину страницы, он поднял голову и взглянул на Артема так, будто успел позабыть о его существовании.

– А вы идите, идите.

Артем встал и вышел. Только когда он закрыл за собой дверь и позволил себе наконец прочистить горло, разнося эхо по всему коридору, в мозгу засвербела внезапная мысль: а он ведь и впрямь не сразу понял, о какой именно гуманности толковал ему чекист.

Что ж ты за человек такой, Гарин, что за сердце у тебя черствое? И как ты с этим сухарем в груди собрался быть отцом?

V

– Запись номер четыре, двадцать восемь часов с начала испытаний. Интерна. Скажи, пожалуйста, что ты думаешь о своем новом браслете?

– Мне не нравится.

– Почему?

– Тяже-елый…

– Сиди ровно. А камешек в браслете тебе нравится?

– …

– Не кивай, пожалуйста, мы записываем. Говори вслух.

– Он красивый. И блескучий такой!

– Чувствуешь что-то еще?

– …

– Ты поняла вопрос? Чувствуешь что-то необычное в последнее время?

– Не знаю.

– О чем ты думаешь, когда смотришь на камешек?

– Не знаю…

– Хорошо. Иди чистить зубы и ложись в кровать.

Фрагмент записи от 12.02.93; 20:45.

У детей был собственный распорядок. Подъем и водные процедуры, утренняя гимнастика, завтрак, затем три урока, тихий час, еще три урока, физкультура, обед, небольшой отдых, выполнение домашних заданий, ужин, личное время и отбой. Иногда перед сном им разрешали послушать гимны по радио, а порой кто-нибудь из воспитательниц брал в руки толстую книгу с неоднократно подклеенным корешком и читал им вслух. О ликвидаторе Дяде Степе, который объясняет сорванцам, почему нельзя бить лампочки и мусорить в лифтах; о Тимуре и его команде, которая помогала старикам всего килоблока; и о любопытных братьях, которым так не терпелось узнать, что же происходит за гермодверью при Самосборе. Дети эти истории знали наизусть, но всякий раз слушали с каким-то благоговейным вниманием, не смея издать ни шороха.

Изначально их предполагалось содержать в условиях строжайшей дисциплины, нагружать умственно и физически, чинить жестокую расправу за малейший проступок. Воспитательницам не просто разрешалось, а прямо предписывалось их бить. Более того, существовал специальный регламент: когда бить, как – по пальцам, предплечьям, икрам, спине и ягодицам; и чем – указкой, учебником, ремнем. Но даже крикливые воспитательницы с вечно суровыми лицами и тяжелыми большими руками – лишь милые тетушки в сравнении с человеком, который всегда носил черный противогаз…

Когда стало очевидно, что такой режим не гарантирует стабильного результата, было решено ослабить тиски на нервных системах подопытных. Из наказаний оставили только порку ремнем и карцер, а воспитательницы предпочитали тратить свое время на игру в карты или перекуры у мусоропровода. Павлютин, у которого поубавилось работы, пустил процесс воспитания практически на самотек, и дети все чаще оставались предоставлены сами себе.

Чем они и пользовались, с присущей их возрасту чуткостью в один миг распознав послабления. Томик как-то умыкнул у воспитательницы папиросу, но так и не нашел, чем бы прикурить. Зато нашли те, кому он попался. Заставили прогнать через легкие половину пачки, пока пацан не позеленел лицом и не облевал себе все штаны. Желание курить у него, может, и отбило начисто, но не желание тащить в карман все, что плохо лежит.

Он отрывал пуговицы от своей рубашонки, запускал их в стену и смотрел, какая дальше отскочит. Половина при этом терялась, а другая ломалась. Он умел подтягиваться на турнике, спал только головой к изножью и ненавидел кипяченую воду, хлебал пригоршнями из-под крана, несмотря на все запреты. Он любил геометрию и отлично чертил, но часами возился над простейшими алгебраическими задачками.

Он мог бы быть самым обычным курносым мальчишкой, каких миллионы по всему Хрущу.

Интерне нравилось рисовать. Даже не так – мазать. Ее тонкий пальчик размазывал капнувшие чернила по парте, давил раскрошенный на бумаге карандашный грифель или разводил меловую муть на классной доске. Кляксы обрастали щупальцами и завитками. Этот пальчик еще никогда не удавалось отмыть дочиста. Пришлось выдать ей цветные мелки и пообещать, что если она не будет рисовать как положено – отберут. И она старательно закрасила пол в своей комнате.

Другие дети в ее возрасте рисовали родителей или друзей, на худой конец ликвидаторов или тварей Самосбора. Интерне нравилось выводить мелками стулья: на трех, четырех, пяти и даже восьми ножках, вытянутые, как кушетки, и широкие, как диваны, с высокими спинками и полочками для ног, круглые и квадратные. Она как-то призналась воспитательнице, что скамейка в учебном кабинете слишком жесткая, а табуретка в ее комнате слишком шаткая, и вот было бы здорово, появись такой стул, что будет удобный, как кровать, а то и лучше.

Ее пугал громкий скрип – не раздражал и не нервировал, а именно пугал, и, стоило какой-нибудь дверной петле взвыть чуть тоньше и протяжней, Интерна хваталась за уши и норовила расплакаться. Она стеснялась выпадающих молочных зубов – тут явно не обошлось без насмешек Томика – и прикрывала ладошкой рот всякий раз, как хотела улыбнуться. Она читала семьдесят слов в минуту и умудрялась сто раз подпрыгнуть на скакалке, не сбившись.

Она могла бы быть самой обычной белокурой девчонкой, каких миллионы по всему Хрущу.

Хоть дети и проводили немало времени вместе, близким их общение было не назвать. Томик вспоминал об Интерне, только когда ему требовалось поупражняться в остроумии или выплеснуть злобу, которую страшно выплескивать на взрослых. Интерна же быстро смекнула, что подражать старшему мальчику значило вдвое чаще получать по шее. Несмотря на частые ссоры, они не избегали общества друг друга, скорее выбирали держаться с осторожностью, будто не желая лишний раз демонстрировать свой интерес. Рисунки Интерны и ее мечты об удобном стуле – единственное, над чем никогда не потешался Томик. А она могла часами молча наблюдать, как он со всей дури лупит попрыгунчиком в жестяную обшивку гермы, или наматывает нитку на палец и ждет, пока тот начнет синеть, или собирает полую башенку из деревянных чурок для игры в городки.

– Я буду строить лифты! – делился Томик, заскучав.

– Это не похоже на лифты, лифты выглядят не так, – справедливо замечала Интерна, критически осматривая башенку.

– Глупая, это шахта! А я построю лифт, большой, как настоящая квартира, и чтобы в нем можно было ехать далеко, аж до самого верха.

– Это ты глупый. Верха не существует.

– Много ты знаешь. Захочу – и до верха доеду, а захочу – в самый низ отправлю!

– А-ха-ха, врешь ты все, врешь! Мы уже внизу, ниже нет ничего!

– Это неправда. Там много всего.

Позже так и не удалось выяснить, говорил мальчик о подвале, который ему каким-то образом удалось почувствовать, или о чем-то другом. Сам Томик начисто забыл те свои слова, или умело сделал вид.

Все это и много чего еще Артем узнал от воспитательниц. Павлютин не слишком любил рассказывать о самих детях – только о том, что может с них получить. Да и сам Гарин, невольно подражая его примеру, старался смотреть на них только через камеры, слушать только в записи, узнавать только по сводкам в личном деле.

Папка с номером семь и папка с номером два.

Интерна, восемь циклов. Томик, двенадцать циклов. Пол, вес, рост, цвет волос. Никаких фамилий, никаких сведений о родителях.

Нет здесь детей, твердил себе Гарин, и быть не может. Дети – они там, мальчишки и девчонки в других блоках и на других этажах. Детей нарожает ему жена. А здесь подопытные, и нечего их сравнивать.

Артем читал отчеты и выкручивал где-то в глубине себя настройки восприимчивости на минимум, перерезал контакты, ведущие к сердцу. Шоковая терапия, голодовки и утопления, зажимы и тиски – порой казалось, что изобетон собирались буквально давить из детей по капле. Лучше высушить себе нутро, выбелить до стерильности, чем позволить ему болеть за тех, за кого болеть нельзя.

«Живьем» Артем видел детей лишь раз – на плановом осмотре в медблоке, – а остальное время предпочитал просиживать перед мониторами. И ждать, когда это все закончится.

***

– Запись номер пять, сорок шесть часов с начала испытаний. Томик. Скажи, пожалуйста, что ты думаешь о своем новом браслете?

– Вы уже спрашивали.

– Ну так будь добр ответить снова.

– Дурацкий браслет! Почему без часов? Я видел, на таком носят часы.

– Не ругайся, пожалуйста. Скажи, что ты чувствуешь, когда смотришь на камень?

– Дурацкий камень.

– Томик, ты можешь поговорить со мной нормально, или я позову того, кто не будет с тобой церемониться. Ты понимаешь, о ком я говорю? Будешь говорить нормально?

– …

– Громче.

– Буду.

– Хорошо. Итак, опиши свои чувства, когда ты смотришь на камень.

– А на лифте можно будет покататься?

– Нет.

– Тогда не знаю.

– Томик!

– Но я правда не знаю, как это рассказать! Я могу начертить…

Фрагмент записи от 13.02.93; 14:35.

Если с детьми Артем для себя все решил, то вот свой внезапный интерес к беременной оправдать перед собой не получалось. Может, оттого, что всякий раз, стоило ему увидеть ее на экране, он вспоминал жену.

Беременную звали Ингой, и она походила на Таню, как родная сестра, даже срок у них отличался всего в восемь семисменок. Она почти все время проводила на своем этаже, изредка выбираясь прогуляться по коридору или сдать анализы в медблок, ничем особо не выделяясь и не доставляя персоналу неудобств.

А еще она пела. Простую мелодию без слов, щемяще знакомую, но постоянно ускользающую, чистую, как стекло. Инга жила прямо над Артемом, и, засыпая, он мог слышать ее голос.

В темноте легко было представить, что в его комнате нет потолков и ничто не мешает мелодии спускаться к нему теплым покрывалом.

Конечно, он мог бы увидеться с ней сразу: притвориться, что ему нужно провести опрос, а то и вовсе зайти без повода, в конце концов он старший научный сотрудник и может ходить, где ему вздумается. Но все это казалось ему странным и неуместным, повод был решительно необходим.

Повода не подворачивалось, беременность Инги протекала прекрасно.

Тогда Артем стал чаще подниматься на второй этаж. Сначала он помногу раз за смену появлялся в лаборатории, стараясь хорошенько там все запомнить, – и постоянно отвлекался, чтобы выглянуть в коридор; затем делал вид, что приводит в порядок медицинские бланки и еще какие-то бумажки, назначение которых представлял весьма смутно.

Наконец, когда они повстречались, он долго возился с ключами, пытаясь то ли отпереть, то ли запереть – сам уже забыл – лабораторию, и гадал, что делать дальше. Пройти мимо, кивнув? Ему хотелось увидеть эту женщину, но разговаривать с ней он не планировал.

Инга заговорила первой:

– Мы, кажется, не встречались?

– Угу. – Артем все же совладал с замком.

И с чего он вообще взял, что они с Таней похожи? Инга была явно выше, ростом почти с самого Артема, и шире в кости. Скуластое лицо ее покрывала сухая корка из мелких прыщиков; темные, чуть узковатые глаза создавали впечатление, что она постоянно щурится. Все-таки камеры лгут.

– И кто у вас, мальчик или девочка? – спросила Инга.

Теперь у Артема никак не получалось попасть ключами в карман пиджака. Она поняла его рассеянный взгляд по-своему.

– Простите, просто вы на этаже для рожениц, еще и без халата, вот я и решила… Забудьте, это дурацкая шутка.

– Вообще-то, думаю, мальчик, – ответил Артем, поколебавшись. – У жены, конечно. Должна родить немногим позже вашего.

– Поздравляю. Наверное… вам повезло, что вы сейчас не с ней. Не угостите папироской?

– Вам же нельзя.

– С чего вы взяли? – Она опустила голову и несколько секунд смотрела на свой живот, затем хлопнула себя по лбу. – Вечно забываю.

Они медленно двинулись по коридору.

– Почему вы сказали, что мне повезло…

– Ну, у меня отекают ноги и болит грудь, мне постоянно хочется по-маленькому, а Самосбор оставляет после себя меньше слизи, чем сейчас гноя на моем лице… Если ваша жена проживает то же самое, ей явно хотелось бы поблагодарить того, кто с ней это сотворил. Мне бы очень хотелось.

Инга носила улыбку легко и буднично, улыбка естественным образом дополняла смысл ее слов, как тени придают рисунку объем. Артему хотелось бы поддержать эту ее фривольную манеру общения, но он знал, что попросту не сумеет. А потому спросил только:

– Дети вас не донимают?

– Те, что внутри меня или снаружи?.. Простите, тысячу раз простите, само вырвалось. Вы про Томика с Интерной? Нет, мы редко видимся, им запрещают сюда заходить.

– А вы… застали здесь других детей? – осторожно уточнил Артем.

– Нет. Но я слышала, что их было больше. Не смотрите на меня так, я не буду вас спрашивать, что вы с ними сделали. Признаться, мне все равно. Только если это не бурый биоконцентрат. Пожалуйста, пусть это будет не бурый биоконцентрат, я ведь его так любила! – Она вцепилась ему в плечо в притворном испуге. – Почему мне перестали его давать? У вас же

еще есть детишки! Ладно, я не верю, что вы делаете из них биоконцентрат. Но, если что, я не спрашивала…

И она подмигнула.

– Э-э… Мы не делаем биоконцентрат из детей.

– Я знала!

Они остановились на площадке перед лифтами. Артем крутил головой в надежде, что сейчас здесь появится Павлютин или чекист, нужно будет срочно готовить тесты или писать отчеты или выскочат из-за угла другие неотложные дела. Он не знал, стоит ему провести Ингу до ее комнаты или уйти сейчас, хочется ему задержаться еще ненадолго или распрощаться с этой странной женщиной. Она выбила его из равновесия.

– Не обращайте внимания, что я так много болтаю. Совсем тут со скуки кисну, уже жду, когда получится вернуться на работу. Чем вообще люди могут заниматься столько времени без работы? От телевизора болит голова, от кроссвордов – глаза, от бесконечного сидения… ну вы поняли. А медсестры и доктор этот ваш плешивенький так себе собеседники… У вас точно нету папиросы?

Артем покачал головой.

– И кем вы работали?

– О, я оператор ЭВМ на приборостроительном. Так что как только сброшу вот это все, – она изобразила, как отстегивает свой живот и ставит на пол, – так сразу снова в кабинет портить зрение. Ммм, жду не дождусь!

Артем собирался уходить и стоял на краю лестницы, готовый прощаться, когда Инга остановила его.

– А можно еще один вопрос? Точно-точно последний и вовсе не шуточный. Как ученому. Давно не дает покоя одна вещь.

– Конечно, – сказал Артем, а сам весь подобрался, ожидая подвоха.

– Зачем мы рожаем? То есть я спрашиваю не о вашем проекте, конечно, а в целом. Вот, помню, в школе нас учили, что твари Самосбора не размножаются, у них попросту нет такого инстинкта. Или они не видят перспектив для своего потомства? Так откуда он у нас? Почему не отвалился, как этот… аути…

– Атавизм, – машинально подсказал Артем.

– Во-от! Вам не приходила мысль, что твари почему-то знают больше нас? А мы почему-то упорно продолжаем размножаться. Привет, мальчишки и девчонки, добро пожаловать в мир бесконечных серых коридоров светлого будущего, вот вам плесневелый сухарь! Больше вы не увидите здесь ни-хрен-на! Возможно, завтра вас поглотит багровый туман, или вас изнасилует начальник на производстве, шантажируя талонами, или вашу герму заварят за глупую шутку в Бионете! Троекратное ура!

Артем молчал. Любому другому на нечто подобное он ответил бы про будущее, которое еще не наступило и которое надо строить чьими-то руками. Но ему вдруг представилось, как медленно сползает с лица Инги улыбка, когда она это слышит, и говорить расхотелось вовсе.

– Боюсь, за смыслом все-так к философам. Мы, ученые, ищем и открываем факты.

– Но от ответа вы уходите как истинный философ. – Пожалуй, он все же немного ее разочаровал. – Так вы не знаете?

– Нет. – Нелегко, даже невыносимо было заканчивать разговор на этом. Но позволить втянуть себя в какую-то сомнительную риторику хотелось еще меньше.

– Что ж. Если у вас нет ответа, может, вам стоило бы для начала спросить свою жену?

***

Здравствуй, милый мой!

У нас все хорошо, сильно по тебе скучаем. И малыш тоже. Мне кажется, он начал толкаться, хотя Полина говорит, что еще слишком рано. Она уже успела подружиться со всеми соседями, и как у нее это только получается?

Расскажи, как твои дела? Нравится ли работа, успеваешь ли отдыхать?

С любовью, твоя Т.

Здравствуй, родная.

Устроился нормально. Еды хватает, есть теннис и домино. Большего рассказать не могу, сама понимаешь, секретность. Скучаю.

Целую, Гарин.

Из переписки Гарина А. В. и Гариной Т. Н. Вскрыто и проверено сотрудником по особым поручениям С.

Решение: ДОПУСК.

Камни в специальном огнеупорном футляре чекист привез еще на третью смену, лично. Три алмаза по два карата с простейшей огранкой. Вставлялись они в браслеты из нержавеющий стали, подопытным их надлежало носить не снимая.

На объект вернулись старые порядки, воспитательницам вновь развязали руки. Детям перестали читать перед сном, им вообще теперь не разрешалось подолгу задерживаться вместе. У Томика отобрали попрыгунчика, у Интерны мелки, все ее художества смыли струей из шланга и заставили сидеть в сырой комнате с мокрым полом. В карцер их запирали поочередно чуть ли не после каждого отбоя.

Прорыва не случилось. Дети быстро потеряли к браслетам интерес, не обнаружив в себе никаких изменений. Томик с точностью воспроизвел на бумаге тетраэдрическую схему алмазной кристаллической решетки, но на этом странности закончились. «Я так увидел» – все объяснение, какого смогли от него добиться. Над рисунком недолго поломали голову да и забыли.

Семисменка сменяла семисменку, сутки слипались от тягучей рутины из наблюдений, скучных опросов и сборов бесполезных анализов. Павлютин все чаще напивался, Артем втайне ликовал. Пройдет еще немного времени, и у руководства появятся сомнения, тогда ему точно будет что сказать.

А до тех пор он торчал за пультом, лениво поглядывая на мониторы. Отсюда можно было управлять не только камерами на этажах, но и электронными замками на гермах, и даже системой оповещения – когда-то детей предписывалось пугать сиренами.

Иногда экраны показывали, как кто-нибудь из воспитательниц в очередной раз ломает указку о спину Томика или вырывает клок волос у Интерны из головы. В такие моменты особенно сильно хотелось сорваться к телефону и звонить в ЧК, достать из чемодана докладную и прибить Павлютину на лоб. Прямо степлером прибить.

Сначала Артем думал вмешаться, но кто бы его послушал, командовал здесь не он. Затем решил терпеть. Пронюхают раньше срока, что расчувствовался, размяк характером, – и никто его всерьез воспринимать не станет. Ему не жалость была нужна, а факты. Из жалости такие проекты никто не закрывает.

Павлютин как-то расшумелся в командирской, громыхая жестяными банками и всполошив задремавшего Артема. Часы показали отбой, дети спали или делали вид, что спят; Инга слушала радио, пристроив приемник у своей подушки; воспитательницы курили на ступеньках между этажами.

Протерев глаза, Артем рассмотрел на столе причину шума – башенку из незнакомых консервов без этикеток.

– Что это?

– Много будешь знать, кандидат, скоро состаришься! – Павлютин подмигнул. Выглядел он до неприличия довольным.

Три баночки отправились к Павлютину в портфель, туда же он торопливо запихнул початую бутылку водки. Почесал нос, косясь на Артема и явно мучаясь с выбором слов.

– В общем, мне это… Отскочить надо.

Артем молчал, все еще не до конца вернувшись в реальность, от резкого пробуждения гудела голова. Отскочить?.. Лестница выше второго этажа забетонирована наглухо, лифты сюда не доезжают, а единственный выход – через проходную на первом, где всегда дежурят ликвидаторы. Звонок семье чекист пообещал согласовать для Артема только после успешных испытаний, об увольнительных вообще не стоило заикаться. Короткая переписка – вот все, на что они с Таней могли рассчитывать. Отсюда нельзя просто взять и «отскочить».

– Там женщинка одна есть, с пищепрома, – продолжил Павлютин. – Горячая, как комсомольский привет. Во!

И он жестами продемонстрировал, какие части ее тела считал особенно горячими.

Так Артем узнал о люке под лестницей минус первого этажа. По словам Павлютина, люк долгое время был заварен, все считали его входом в одну из бесчисленных технических шахт Гигахруща и не вспоминали, пока не распознали в трещинах, оставленных Томиком, лабиринты подвала. Многие циклы под лестницей складировали туго перевязанные рулоны из старых матрасов, тюки с изношенной одеждой и прочий бесполезный хлам, а потому для большинства люк до сих пор оставался неприметным. В том числе и для чекиста, во что Артему верилось с трудом.

– Ну так как, прикроешь? – Павлютин нетерпеливо облизнул губы.

– А если проверка, если ЧК?

– Да не волнуйся ты, никто не приедет. Буду еще до конца отбоя как штык! Слушай, там выход есть в четырнадцать ноль восемь. Это же твой килоблок? Отпущу тебя как-нибудь потом к жене, ну?

Артем никак не решался. Чем грозит самовольная отлучка с закрытого объекта, не хотелось и думать. За укрывательство его по голове тоже не погладят. Но жутко манила перспектива вписать еще одну безответственную выходку Павлютина в докладную, и Артем кивнул.

***

В ту смену никто не пел у него над головой.

У себя он вновь попытался заснуть, но спугнутый недавно сон шел неохотно. В памяти всплывали обрывки нелепого разговора с Ингой и суровый взгляд чекиста. Артем то проваливался в небытие – плотное и вязкое, как пенобетон, оно накрывало с макушкой так, что становилось тяжело дышать, – то выныривал обратно. Ворочался на влажных простынях. Виделось ему, будто это он со шлангом избивает ледяной струей, как хлыстом, кого-то в углу, а рядом стоит чекист и пьет из пустого стакана. Когда вода заканчивалась и брызги переставали лететь, становилось видно промокшую до нитки Таню, прижимающую младенца к груди. С ее волос капало, посиневшие губы сжались в тонкую полоску.

Сон не отпускал, повторяясь по кругу, и всякий раз Артем пытался его отогнать, но с таким же успехом можно отмахиваться от висящей в воздухе пыли, неосязаемой, невесомой. Лишь спустя несколько мучительных часов ему удалось наконец добраться до спасительной тьмы, забыться без всяких видений.

А затем звуки сирены пробили череп у висков. Рефлексы опередили разум, Артем вскочил резко, будто всю жизнь служил в Корпусе, с размаху хлопнул по выключателю прикроватной лампы. Рабочая смена, судя по часам, началась больше часа назад. Он проспал.

Во время Самосбора одному из научных сотрудников по протоколу предписывалось находиться в командирской, и Артем выскочил из комнаты как был, босиком и в майке, успев лишь запрыгнуть в штаны. Если Павлютин еще не вернулся… неизвестно, насколько его теперь задержит Самосбор, а значит, все больше рисков, что его отсутствие заметят.

Но руководитель проекта уже был на месте, опирался руками на пульт, сгорбившись и прилипнув взглядом к мониторам.

– Герму, – бросил он, не оборачиваясь.

Артем с силой налег на рычаг, вжимая дверное полотно в уплотнитель, и только потом сосредоточился на экранах. До Самосбора оставалось меньше двух минут.

Воспитательницы заперлись в учебном классе вместе с Интерной, Инга в своей комнате выкручивала громкость приемника на максимум, пытаясь перебить гул сирены, а Томик… Томик остался в коридоре. Он дергал ручку своей гермы, но та не поддавалась, Павлютин заблокировал замки.

– Ты инициировал испытания без меня? – удивился Артем. – Почему не предупредил?

Павлютин не ответил, пальцы его побелели от напряжения, блестел вспотевший лоб.

Томик исчез за границей экрана, тут же появился на соседнем изображении, подбежал к лестнице на следующий этаж, вцепился в решетку, которую никогда не запирали, и не смог открыть. Рванул обратно по коридору – камеры следили за каждым его шагом – принялся по очереди колотить во все гермы. По пятам за ним клубился туман… откуда здесь туман?

Только сейчас Артем заметил, что лампочка над кнопкой ложной тревоги не горит.

– Это что, настоящий Самосбор?

Павлютин кусал губы, таращась в экраны. Секундная стрелка на часах Артема пошла отмерять третью минуту от начала сирены.

– Да ты спятил! Открой ему дверь!

Томик скакал перед камерой, махал руками, что-то кричал.

Артем потянулся к кнопке дистанционного управления замком, но пальцы Павлютина с неожиданной силой и прытью сомкнулись на его запястье. Артем оттолкнул его плечом, сам получил локтем в бок. Какое-то время они боролись, нелепо и неумело, как обиженные школьники, каждый пытался отбросить другого от пульта.

– Я доложу куда следует! – ревел Артем начальнику в лицо, нет, не в лицо, в безжизненную, как резина противогаза, маску. – Ты же убиваешь его! Ты же…

Десять секунд. У Томика оставалось десять секунд, когда он разбежался в стену… и проскочил ее навылет, не встретив сопротивления.

Ученые, забыв про схватку, несколько мгновений пялились на экран, затем Павлютин отодрал ослабевшие руки Артема от своего халата и отключил изображение с камер в коридоре. Нельзя смотреть на то, что приходит вслед за багровым туманом, если не хочешь, чтобы мозги вытекли через нос серой жижей.

– Видел? – спросил Павлютин, едва дыша. – Скажи, что ты видел.

Артем только кивнул. Он не мог оторваться от монитора с комнатой мальчика. Томик был в безопасности за закрытой гермой, стена за его спиной осталась абсолютно целой. Сам он, задрав голову, смотрел в камеру и не двигался. Смотрел так, как не должны смотреть дети, и взгляд его говорил только об одном.

Артем тоже не пошевелился. Казалось, Томик видит его, и это чувство заворочалось в желудке комом из битого стекла.

VI

– Вот скажи мне… – Язык Артема двигался вяло, с явной неохотой. – Партия, она ведь всех детей любит, так?

– Конечно! – Павлютин кивнул, разливая остатки водки по донышкам.

Раньше Артем в его попойках не участвовал, сказать по правде – брезговал. Но Самосбор длился уже больше восьми часов, а сидеть трезвым столько времени в одном помещении с начальством было попросту невыносимо.

– И этих т-тоже? – Артем икнул.

Павлютин опустил сухарь в стакан с водой.

– Конечно, – повторил он, погодив.

– Что ж это за любовь такая?

– А вот такая. Тебя когда мать по рукам лупила… лупила, чтобы к герме не тянулся, пока там Самосбор. То любовь была? А когда по шее давала, чтобы ты на человека выучился, а не пошел цеха подметать? Синяки заживут, а польза останется. Любовь! А у Партии она другая… Больше! У Партии она на всех, разом, понимаешь? И дети эти смогут… сделают… для всех. Даже если придется из них это выдушить, из-под шкуры выскоблить. Но это все тоже – любовь. Общая.

Артем дернул головой, будто пытаясь вытряхнуть что-то из ушей. Сказал, вперившись в Павлютина затуманенным взглядом:

– А ты?

– Что я?

– Ты почему детей не любишь?

– Это ты к чему? – Голос Павлютина сделался колючим.

Артем глаз не отвел, в упор смотрел, стиснув зубы, а на языке блевотной жижей горчило только: скольких же ты их загубил, падла? Скольких в Самосбор отправил, у скольких не выдержало сердце от наркотиков и пыток? Сколько их было?

Но вместо этого спросил:

– П-почему только боль? Если нужны сильные эмоции, почему никто не пытался через радость, через счастье? Стимулировать выработку дофамина, серто… серо-то-нин…

– Много ты знаешь о счастье, – фыркнул Павлютин. – Пробовали, толку ноль. Оно ведь несложно… там леденец, там мелки… Посади в карцер, пригрози, что на всю смену… скажи, что простил, выпусти раньше, хи-хи… Вот и счастье, чище алмазов твоих. Оно ведь… э-э, оно ведь на контрасте работает. Мелки каждую смену – это ведь не счастье, это рутина. Скоротечно оно, твое счастье, на нем ничего не построишь. А вот на боли…

Он развел руками, будто намереваясь охватить комнату целиком, а то и весь Гигахрущ разом. Половинка размякшего сухаря осталась плавать в стакане.

– … вон чего понастроили! Эй, ты чего там… уснул?

Артем простонал что-то невразумительное в ответ, удобно устроив голову у себя на руках. Хотелось спорить с Павлютиным, раздавить его интеллектуально… но интеллект отказался служить вслед за языком.

А в коридоре продолжала надрываться сирена.

***

Чекист расселся на диване, закинув свою длинную, как грабли, руку на спинку и поглядывая то на одного ученого, то на другого. В командирской стояла тишина. Павлютин позеленел лицом, но держался. Артем прятал глаза.

– Не рановато празднуем, товарищи? – поинтересовался чекист ровным тоном. – Давайте-ка проясним вот что. Результаты исследований целиком на вашей ответственности, моя задача лишь проконтролировать вашу работу, мне не обязательно в нее вникать. Но результат, который вы предоставили, меня, мягко говоря… не убедил. За последние семисменки я так и не получил внятного ответа и намерен получить его сейчас. Оставьте ваши теории и прочую научную шелуху. Простой вопрос – простой ответ. Вы можете избавить нас от Самосбора или нет?

– Нет-нет! – Павлютин было затряс головой, но тут же поморщился и громко сглотнул. – О таком речи не шло… Это попросту невозможно.

Взгляд чекиста остановился на нем, вдавил чугунным прессом в табурет, и Павлютин весь сжался, осунулся, пряча шею в серый воротник халата. Ему заметно хотелось сползти на пол и укрыться под столом.

– Если представить Гигахрущ как единый организм, – попытался объяснить он, – Самосбор в нем будет походить на вирус. Скажем… герпеса, да. Вы знали, что от герпеса нельзя избавиться окончательно? Только от симптомов. Так вот, физическое проявление Самосбора на этажах и есть что-то вроде симптомов…

– Ну хорошо, пусть симптомы… – Чекист закатил глаза. – Как вы собираетесь с ними бороться?

Павлютин смущенно потер переносицу.

– Чтобы ответить, надо понимать, насколько вы… э-э, погружены в вопрос. Знакомы ли вы с трудами Смирнова? «Общую теорию изобетона» хотя бы читали?

– Вы уж постарайтесь объяснить так, чтобы я понял, – недобро улыбнулся чекист.

Артем решил прийти Павлютину на выручку:

– Если продолжать аналогию с организмом, то изобетон в нем можно считать иммунной системой. Мы не до конца представляем принципы ее работы, но нам известна взаимосвязь концентрации изобетона в стенах с продолжительностью Самосбора…

– И концентрация эта непостоянна, – подхватил Павлютин. – Каким-то образом изобетон перемещается… И если наши испытуемые смогут контролировать эти потоки, становится решенной проблема как длительных, так и сверхдлительных, иначе говоря, вечных Самосборов.

Чекист долго молчал, водя пальцем под нижней губой, затем спросил:

– И как пацан, проходящий сквозь стены, вам с этим поможет? Вы уверены, что движетесь в нужном направлении?

Артем слабо качнул головой, и это не ускользнуло от его внимания.

– Конечно! – воодушевился Павлютин. – Нужно только поднажать! Разрешите, я… у меня уже есть план, осталось только согласовать. Я принесу.

Голос его был куда бодрее похмельного тела. Он медленно поднялся и, пошатнувшись, нетвердым шагом двинулся к выходу.

– Сейчас-сейчас…

Артем содержание этого «плана» прекрасно знал, пусть и не принимал участия в его разработке. Очередные пытки, новый виток извращенной боли. Павлютин не жалел фантазии, намереваясь оголить каждый детский нерв, подцепить на крючок каждый болевой рецептор. Он не собирался пропустить ни одного оттенка в бесконечной палитре страданий.

«…Ты уверен, что они это переживут?» – спрашивал его Артем.

«Дети выносливей, чем кажутся, – отвечал Павлютин, ничуть не растерявшись. – Если вдруг потратим кого-нибудь, Инга родит нам еще».

Так и сказал – «потратим». Поначалу Артем принял его за садиста, который упивается муками других, но Павлютин продумывал свои эксперименты отстраненно, с расчетливостью биолога, препарирующего слизней бетоноеда. На детей ему было попросту плевать.

Вероятно, он даже ждал, что они не выдержат пыток, тогда он смог бы еще многие циклы продолжать жрать водку и красный биоконцентрат, имитируя рабочую деятельность, пока подрастает новый подопытный.

Когда Павлютин вышел, Артем с чекистом остались одни. Из приоткрытой двери в комнату просачивался острый запах химикатов, которыми ликвидаторы обработали коридоры после зачистки.

– Предприимчивый, ответственный, инициативный. Так написано в вашей характеристике, – проговорил чекист. – Но я до сих пор не увидел ни проблеска энтузиазма в ваших глазах. Признаться, меня это слегка тревожит.

Артем сидел к нему вполоборота, прятал между коленями дрожащие руки. Вот оно – шанс признаться, и будь что будет. Больше терпеть он не мог.

– Я отказываюсь участвовать в проекте.

– Действительно?

Косматые брови чекиста зашевелились, словно в них кто-то завелся. А может, Артему только мерещилось с перепоя.

– Ввиду полной… б-бесперспективности. Человеческая нервная система… Я провел здесь достаточно, чтобы утверждать: человеческая система не п-предназначена…

Он долго готовился, представлял, как будет чеканить каждое слово, как зазвенит его голос и расправятся плечи. Все пошло не так. Его трясло то ли от страха, то ли после выпитого накануне, в горле постоянно что-то хрипело и булькало. Он представил себя со стороны, всего помятого, жалкого, услышал свою тихую, сбивчивую речь. Убедительности в нем сейчас было не больше, чем в нашкодившем ребенке.

– Лучше, если я п-покажу… дам почитать. Я все записал…

За последние смены его докладная разрослась на несколько страниц. Он тщательно выбирал формулировки, выстраивал аргументы и взвешивал каждый тезис, обличая весь проект как сфабрикованную пустышку, целиком построенную на лжи, невнятных доводах и надуманных теориях. Он вымарал из текста все эмоциональное, личное, оставил только колючую проволоку холодных, ровных строчек.

– Сядьте, – припечатал чекист, и Артем вновь рухнул на стул, как подкошенный. – Скажите мне вот что. Дело только в том, что вы не верите в успех проекта, или, может, вы столкнулись здесь с чем-то, к чему оказались не готовы? В прошлый раз вы так твердо заявляли о беспристрастности научного метода, что я вам даже поверил.

– Делать одно и то же раз за разом, ожидая иного результата, – это не наука.

Чекист подался вперед, и обивка дивана скрипнула под его весом.

– Ну так придумайте что-то еще, для этого вы здесь. У вас не будет другого проекта, Гарин. А если вы продолжите в том же духе, вообще ничего не будет. Ни в науке, нигде. Умерьте расточительство своих нервных запасов и возьмите себя уже в руки!

Артем молчал, тупо уставившись себе под ноги. Чекист – лишь часть системы, обманутой вздорными обещаниями, он не станет разбираться, насколько реально их исполнение, и не слезет с проекта, пока не получит желаемое. Он видел все, что творилось здесь с детьми, знал каждый шаг Павлютина, и цена его не смутила. На что ты только рассчитывал, Гарин? Твои писульки для него – макулатура.

– Вы меня хорошо услышали?

– Да.

Вернулся из своего кабинета Павлютин, вручил чекисту толстую папку. Тот бегло пролистал ее, наморщив лоб, сказал недовольно:

– Тем же путем идете, на котором потерпели неудачу.

– Тогда у нас не было камней, – заметил Павлютин.

– Что ж, если других предложений нет…

– Вообще-то, есть еще вариант, – сказал Артем вполголоса, и все посмотрели на него. Павлютин настороженно, чекист с задумчивым любопытством.

– Разве? – криво усмехнулся Павлютин. – Не припомню, чтобы мы это обсуждали.

– Прошу, продолжайте, – подбодрил чекист.

Артем тщательно вытер ладони о штаны, считая про себя: раз-два-три… Шорк-шорк-шорк, вторила брючная ткань. Действовать нужно было сейчас, в открытую. Заинтересовать того, кто действительно принимает решения. Поделись Артем своей идеей с Павлютиным заранее – и никогда не получил бы добро.

– Нейростимуляторы. Вы читали статьи Чекранова, нейробиолога? Всего несколько циклов назад ему удалось сделать качественный скачок в лечении тремора, эпилепсии и дистонии…

– Мы уже пытались выявить участки мозга, ответственные за способности испытуемых, – прервал его Павлютин. – Ничего не вышло.

– Да, но мы знаем участки, где формируются эмоции, вызывающие эти способности. Центры удовольствия…

– … и боли.

Артем покрепче стиснул зубы, но продолжил:

– Препараты неэффективны, они влияют на слишком большие группы нейронов и имеют побочные эффекты. Внешние… раздражители перегружают нервную систему и не дают четких результатов. Так почему бы не действовать точечно, напрямую?

– Это возможно? – спросил чекист Павлютина спустя короткую паузу.

Тот сложил губы в трубочку. Чувствовалось, как ему хочется сказать «нет», проучить выскочку-новичка. Но открыто врать представителю ЧК Павлютин не решился, лишь неопределенно пожал плечами.

– Не исключено.

– И что вам нужно?

– Нейростимуляторы последнего поколения, – сказал Артем. – И грамотный нейрохирург, знакомый с трудами Чекранова.

– Будет. – Взгляд чекиста заметно помягчел. – Можете же, когда хотите.

В глазах Павлютина стояла немая злоба, но Артему было уже плевать. Он вдруг резко осознал, что неважно, на каком этаже его комната, он заперт здесь точно так же, как и дети, как Инга, как, возможно, сам Павлютин. Без боя ему перевод не дадут.

Когда Павлютин пошел провожать чекиста, Артем не сдвинулся с места. Сегодня Партия впервые его подвела.

VII

Здравствуй, любимый!

Надеюсь, у тебя все хорошо и ты не слишком занят, чтобы писать нам почаще.

Вчера нам привезли оставшуюся мебель. Когда вернешься домой, квартиру не узнаешь! Рассчитываю, что тебе все же выделят отгул. Ты там постарайся, ладно?

В прошлую семисменку ездили с Полиной (она передает привет) по распределителям, поискать какие-нибудь детские книжки. Для Димки, и малышу почитать, когда чуть подрастет. И, представляешь, ничего не нашли ни на пятидесятом, ни на сотом, ни двумя распределителями выше. Один «Культпросвет» и «Глас народа».

А еще мне кажется, что я начинаю толстеть. Не понимаю, правда, это из-за беременности или бурый тому виной.

Рассказывай, как ты, рассказывай, что только сможешь. Соскучилась ужасно.

С любовью, твоя Т.

Из переписки Гарина А.В. и Гариной Т.Н. Вскрыто и проверено сотрудником по особым поручениям С.

Решение: НЕДОПУСК. Ограничить дальнейший обмен сообщениями с целью минимизации отвлекающих факторов для наших сотрудников. Гариной вынести письменное предупреждение за превышение максимального объема знаков, установленного в закрытой переписке.

Заставить Томика повторить свой последний трюк никак не выходило. Ликвидатор тыкал его дубинкой с шокером на конце, жаля слабыми, но болезненным разрядами, трещала ослепительно синяя электродуга. Мальчик лишь беспомощно вжимался в стены, вскрикивая от каждого удара.

А к концу той же смены он спустил свой браслет в унитаз. Никто так и не понял, как ему удалось отпереть застежку, укрепленную двумя винтами. Двадцать миллиграммов изобетона – десятки часов работы Ловушки Смирнова в Самосборе – пропали в канализации Гигахруща.

Наказание не заставило себя долго ждать, часом позже тот же ликвидатор вытащил Томика прямо из кровати, долго бил сапогами. Артем вмешался слишком поздно, мальчика пришлось отправить в лазарет.

Интерна все порывалась его навестить. Едва улучив свободную минуту, она взлетала по лестнице на второй этаж и усаживалась, прильнув к герме медблока – внутрь ее не пускали, – пока кто-нибудь из воспитательниц не приходил ее прогнать.

Артем все чаще вспоминал тот Самосбор и лицо Томика, обращенное к камере. Думал, что даже если Павлютин окажется прав и детям каким-то образом удастся контролировать изобетон… кто сможет контролировать их? Ведь они подобны сырому цементу – все, что на них попадает, оставляет свой отпечаток.

И как распорядятся своей силой те, в ком цикл от цикла крепла обида и ненависть к взрослым?

***

– Вы ведь, верно, шутите, да?

Тарасов, самый известный ученик и некогда первый ассистент нейробиолога Чекранова, был невысоким, большезубым мужчиной средних лет. Волосы его, когда-то, по всей видимости, рыжие, поблекли и напоминали цветом разведенный пивной концентрат. Улыбался Тарасов так, будто еще не понял – на объекте вообще не принято шутить.

– Разве не вы нам полчаса тут распинались, какие высокоточные ваши нейростимуляторы? – спросил Павлютин.

– Это правда, – кивнул Тарасов. – Эти импланты могут воздействовать на группы от ста пятидесяти нейронов, не задевая остальные, точнее не придумаешь. Но вы поймите, одной точности мало. Несмотря на все достижения современной науки, мы еще слишком поверхностно представляем, как в человеческом мозгу формируются эмоции. Например, мы знаем, что за страх отвечает миндалевидное тело. Но оно же вовлекается в формирование негативных воспоминаний, аппетита, рефлексов самосохранения… Или, скажем, возьмем боль. Вы слышали, что осознание боли и страдания от боли – это разные процессы, и за них отвечают разные группы нейронов? Выявить, где какая, весьма затруднительно. А вы предлагаете мне копаться в несформированной лимбической системе детей!

– Отложим боль, она неэффективна, – сказал Артем твердо. – Сосредоточьтесь на положительных эмоциях.

– Пожалуйста! Прилежащее ядро, nucleus accumbens – это радость, счастье, смех. Но здесь же и агрессия, и отвращение. Мне продолжать? Нельзя просто ткнуть палочкой в одну зону мозга и ждать, что это никак не отразится на другой. Такое вмешательство попросту опасно!

– Нам ведь неважно, какая именно эмоция, так? – Павлютин ехидно улыбнулся Артему. – Главное, чтобы сильная. Зажгите одну или несколько, лишь обеспечьте их стабильность настолько, насколько потребуется, о большем мы вас и не просим.

– Не знаю… – продолжал сомневаться Тарасов, вымученно улыбаясь и потирая руки, точно мыл их над невидимым умывальником в операционной. – Мне раньше не приходилось работать с детьми…

Павлютин наседал.

– Слушайте, вы это не нам рассказывайте. Помните того, кто вас сюда привел, здоровенного такого деда? Вот это ему расскажите.

Артем смотрел, как мрачнеет лицо Тарасова, и спрашивал себя: доволен, Гарин? И не совестно тебе еще одного человека в такое втягивать? И себе же отвечал: совестно детей живодеру Павлютину отдать. А нейрохирург выиграет им всем немного времени.

– Когда сможете приступить? – спросил Артем поникшего Тарасова.

– Сначала нужно провести некоторые тесты, – ответил тот севшим голосом. – Дождаться оборудования, ту же стереотаксическую рамку, сделать снимок, рассчитать координаты… Проводящие волокна важно проложить с предельной точностью…

– Вот и славно, работайте! – заключил Павлютин, хлопнув его по плечу. – А наш старший научный сотрудник Гарин вам во всем поможет. Да, Гарин? Он в вашем полном распоряжении, хоть халаты его отправьте стирать. Вы, кстати, в теннис играете?

– И еще одно, товарищи, – робко попросил Тарасов. – Я видел мальчика в лазарете… Мне куда комфортнее работать со стабильными пациентами. Пожалуйста, не бейте больше детей.

***

В теннис Павлютин играл паршиво. Нелепо вцепившись в ракетку из нескольких слоев проклеенной фанеры, пытался «закручивать» шарик без всякой сноровки. Ему постоянно мешал палец. Артем расправлялся с противником без жалости, «резал» наотмашь, с точностью снайпера «вешал сопли». Давно, еще будучи младшим лаборантом, он тратил на теннис все свободные часы – тогда это был лучший способ разгрузить голову.

Павлютин ругался вполголоса и корчил рожи, раз за разом подбирая пропущенный шарик, но упрямо возвращался к столу. Играть-то ему больше не с кем. Пусть он продолжал сердиться на Гарина, но признавал в нем равного. Открыть двери командирской для кого-то из воспитательниц – младшего персонала – ему бы и в голову не пришло.

Конечно, Артем не стал стирать ничьих халатов, у Тарасова имелись свои ассистенты – два рослых молчаливых хирурга. Втроем они оккупировали лабораторию и весь медблок. Порой Тарасов спускался к проходной и подолгу обсуждал что-то по телефону. Артему живо представлялось, как на той стороне провода ради пары детских мозгов собрался целый консилиум.

Чекиста с их последней встречи Артем слышал лишь однажды, голос в трубке мерещился древнее самого Гигахруща. Он просил присмотреться к Павлютину, кому-то «сверху» не понравилось, что их самый опытный сотрудник за столько циклов не догадался до такого очевидного способа с нейростимуляцией. Чекист намекнул: в случае успеха он не отказался бы увидеть во главе проекта новое лицо.

Вот только Артем никакого успеха проекту не желал.

Перед операцией детей запретили бить, и ему самому задышалось чуть легче. Он по-прежнему следил за ними только через камеры и все думал: что мешает ему взглянуть на них глазами того же Павлютина? Воспринимать их просто как нервный узел, который нужно распутать, будто моток кабелей, и подключить в правильном порядке к общей системе. К мертвому бетону Гигахруща.

Но нет, больше не мог. Засело в груди чувство неправильности происходящего, раздвигало ребра до ломоты, до хруста, все ближе подбираясь к сердцу, которое он так берег от слабостей и потрясений. Крыл себя последними словами, что раскис, поддался. Мозг раскалывало пополам, будто электрическими импульсами нейростимулятора.

Пропадешь ты с ними, Гарин, – вспыхивало где-то в левом полушарии, и тут же лимбическая система уточняла: за них? С ними, Гарин, – был ответ, – с ними.

И лишь после отбоя, когда он ложился в темноте, не раздеваясь, на заправленную кровать, чтобы послушать, как этажом выше поет для будущего пленника такая же пленница, в голове становилось пусто и легко.

***

Инга как-то сама выловила его в коридоре, приблизилась несмело и заговорила, уткнувшись взглядом в пол:

– Слушайте, вы простите, я в прошлый раз сказала какую-то глупость и, наверное, вас очень обидела. Я не хотела, правда не хотела, я верю, что вы ждете этого ребенка и любите свою жену. И ребенка тоже полюбите, то есть, конечно, вы его уже любите, это я… а у меня просто не так, вот я и несу всякую чушь. Еще раз извините…

Он не понимал, к чему это, никакой обиды у него и в мыслях не было.

– Та песня… которую вы поете… Что это? – спросил он часом позже, когда они уселись с парой стаканов чая у него в комнате. Инга с интересом оглядывалась по сторонам.

– Не знаю, – пожала она плечами. – В детстве слышала по телевизору, приелось, видимо. Ребенок толкается, вот я ему и пою. Хорошо, что ему хватает одной мелодии, не хотелось бы разучивать еще и слова. Со школы этого не люблю!

Артем едва не признался, что мелодии хватает и ему, что она стала для него настоящим спасением. Что он хотел бы слышать ее почаще.

Позже они встречались еще не раз, иногда он поднимался к ней, иногда она спускалась к нему. Он приносил ей красный биоконцентрат, которого она так ждала, и больше слушал, чем говорил. Она знала много забавных историй – самые банальные казались забавными из ее уст – и анекдотов, половина из которых могла бы загнать в краску даже бывалого заводского трудягу, а другая обеспечить билет в ГУЛАГ. Она напомнила ему, как звучит человеческий смех.

– Вы никогда не жалели, что попали сюда? – однажды спросил Артем, размешивая чай в стакане. Чай он пил без сахара, но ему нравилось, как ложечка постукивает о граненое стекло. Какое-то время комнату наполнял только этот звук.

– Я здесь только ради трехразового питания. Вы разве нет? – улыбнулась Инга. Добавила, чуть серьезнее: – Это было не мое решение, ни к чему жалеть.

Он ничего не сказал, лишь взглядом дал понять, что ждет продолжения.

– Меня не насиловал начальник. – Инга закинула в свой стакан третий кусочек рафинада.

Артем ненароком погрузил ложечку чуть глубже и обжег чаем кончики пальцев.

– В нашу первую встречу я кое-что сказала, вы могли подумать… могли неправильно понять. Меня никто не насиловал.

Она притихла, словно прощупывая границы своей откровенности, глаза ее ни секунды не оставались на месте.

– Он был добр ко мне и ласков. Явно не так добр и ласков, как со своей женой. А когда я забеременела, все вскрылось… Он обвинил меня во всем. Якобы это я вертелась возле него, выпрашивала комплименты и подарки. Я соблазнила. Вердикт профкома был однозначным… О, это отдельная дурость, я даже запомнила: «распутство и хищнический настрой в отношении женатых мужчин не может соответствовать современному образу женщины!» Звучит?

– Ну а с ним что?

– А ничего. Он и дальше начальник, и дальше добрый и ласковый. Для кого-то еще.

Артем провел ладонью по лицу.

– Как же это несправедливо… Как они вообще могли судить вас?

– Вы что, никогда не слышали про половой устав? Пункт двенадцатый: «Класс в интересах революционной целесообразности имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов. Половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая». Как видите, некоторые тексты я все-таки хорошо запоминаю.

Артему представилось заседание профкома: сурового вида мужчины и женщины опрашивают свидетелей, изучают докладные записки и с напускной важностью обсуждают, кто с кем спит, где и как часто. Его передернуло.

– Ну а дальше… Меня ждало общественное порицание, другой килоблок с тесной прокуренной комнатушкой, работа за сниженный паек и фабрика с одними женщинами. Я упомянула общественное порицание? Женщины здесь лучшие исполнители. Но всего этого не случилось. Ко мне пришли люди, и по ним сразу было понятно, что ко всем подряд они не приходят. Сказали, что запись из моего личного дела попросту исчезнет. Что я рожу и могу быть свободна. В должности меня восстановят, причем в месте поприличней, и метрами жилплощади не обидят. Нужно лишь перенести одну небольшую операцию…

– Но у вас заберут ребенка, – заметил Артем.

– И что? – Ее голосом можно было бы остужать чай. – Я никогда его не хотела и не смогу ничего ему дать.

– Здесь ему будет не лучше.

Ну и болван, стучало ложечкой по вискам, не забывайся, Гарин!

– Иногда я слышу, как дети внизу кричат, – призналась Инга отстраненным шепотом. – Сначала мне говорили, что их просто наказывают. Потом запретили… слушать. И вы мне сейчас ничего не говорите…

– Вас не отпустят. – Он сам не понимал, зачем ляпнул это, слова против воли выпадали из его рта. – Мы нужны им, только пока полезны. Не будет никакой должности и новой квартиры. Как только вы родите, вас в лучшем случае отправят куда-нибудь на вредное производство, чтобы вы никому не смогли рассказать об этом месте.

Инга медленно, очень медленно перевела взгляд с Артема на камеру под потолком.

– Они не пишут звук, – успокоил он.

Глаза ее, и без того узкие, превратились теперь в едва заметные щелочки.

– Опасные вещи вы говорите, товарищ ученый. Лучше дышать свинцом, чем получить его выстрелом в голову. Прошу, оставьте меня. Я устала, мне хочется отдохнуть.

Он встал и вышел, не оборачиваясь, забыв про недопитый чай. Лицо горело, но в остальном теле ощущалась небывалая бодрость. Сегодня он вновь вспомнил, каково это – говорить правду вслух. А озвученная правда, как известно, обретает силу.

VIII

По шахте ползти метров пять, загребая локтями и коленями комья черной пыли. Передвигаться строго вперед ногами, иначе рискуешь свалиться головой вниз, когда тесный лаз изогнется под прямым углом. Дальше короткий, но утомительный спуск в темноте: спиной упереться в одну стенку, ногами и руками в другую; не думать, что в любой момент можешь сорваться и что впереди прыжок с трехметровой высоты; не гадать, что сыпется за шиворот и лезет в лицо, вообще ни о чем не думать и не гадать, работать конечностями, нащупывать в бетоне глубокие швы…

В подвале Артем долго отряхивался и приводил дыхание в норму, попеременно выстреливая лучом фонарика то влево, то вправо от себя. Под ногами валялась стремянка, по которой он будет взбираться обратно. Благо Павлютин предупредил, что случайно опрокинул ее в прошлый раз, пока лез в шахту, и Артем заранее настроился прыгать, иначе переломал бы ноги.

По серым стенам тянулись кабели и черные коробочки датчиков на Самосбор. Стоило запустить чуть больше сырого воздуха в грудь – и тут же хотелось кашлять. Артем привык к прямым коридорам этажей, оттого и необычно было осознавать, что нутро подвала простирается во все стороны разом.

Павлютин объяснил, как добраться до нужного места, сколько раз повернуть и сколько проходов пропустить. Артем начертил себе мысленную схему и многократно исходил ее в обоих направлениях у себя в голове. Всего одна ошибка в безжизненных лабиринтах могла стоить слишком дорого.

Интересно, думал он, почему на его памяти никто никогда не упоминал о направленных сюда экспедициях? Были ли они вообще? Сам бы он с куда большим удовольствием спустился расследовать тайны подвала, чем ставил эксперименты над детьми.

Как и обещал Павлютин, петлять пришлось не долго, уже скоро пятно света от фонарика уткнулось в раздвижные двери лифтовой шахты. Артем нажал кнопку вызова, но та не загорелась. Тогда он вдавил ее сильнее, подержал подольше, вслушиваясь в тишину. Обернулся. Темные проходы показались еще уже, потолок будто ниже просел под массой Гигахруща… Что, если Павлютин решил поиздеваться, посмеяться над ним, отправить не той дорогой?

Из шахты послышался далекий скрип кабины. Когда лифт спустился и створки разошлись, Артем смахнул со лба холодный пот. Пожурил себя: совсем впечатлительным стал, Гарин, на тебя не похоже.

Постоял немного с занесенным пальцем над кнопкой шестого этажа. Было еще не поздно передумать, провести время с женой, как и планировал. Не натворить дел, о которых потом пожалел бы.

Гарин упрямо выдохнул и отправил лифт на самый верх.

***

Со слов Полины, когда у отца начались проблемы с ногами, ему оборудовали мастерскую прямо в комнате и разрешили трудиться дома. С завода поставлялось все необходимое. Он жил все на тех же шестнадцати метрах, но теперь в окружении часов, будильников, пустых корпусов и полуразобранных механизмов, круглых невесомых стекол и желтых силиконовых груш для печати циферблатов. На длинном верстаке в известном одному только мастеру порядке громоздились всевозможные коробочки с мелкими деталями, наборы плоских отверток и узких пинцетов для тонкой работы, баночки с янтарным шеллаком – часовым клеем.

Постарайся Артем, и вспомнил бы, из какой марки латуни делается посадочная плата, какие колеса входят в ангренаж, как устроены баланс и анкерная вилка. Смог бы описать назначение каждой оси, втулки и моста. Отец с детства забивал ему этим голову. Вечно ждал, что

сын пойдет по стопам часовщика. Отговорит Полину гулять с настойчивым ухажером. Присмотрит за больной матерью…

Слишком послушные сыновья не достигают многого.

– Кипятку поставить? – спросил отец, одной рукой опираясь на край верстака. Было заметно, как тяжело ему держаться на ногах, но и присаживаться он не спешил.

Артем осторожно, с долгими паузами, вбирал ноздрями воздух, будто опасаясь впустить в себя тот застарелый едкий смрад, что преследовал его все детство и, казалось, пропитал обои. Так, что и не выветришь. Но пахло только чуть нагретым вазелиновым маслом, которым часто заменяли часовое.

– Не надо, я… Спасибо. Я тут принес тебе… – Артем достал из кармана две консервные банки с бурым биоконцентратом и застыл, не зная, что делать с ними дальше. Отец молчал, рассматривая свои колени.

– Спасибо, – наконец буркнул он, не поднимая головы. – Поля мне тоже приносит. Я говорил, не надо.

Он кивнул на коробку под стулом. Чувствуя себя полным дураком, Артем нагнулся и положил свои банки к остальным. Подмывало спросить: не ешь потому, что они от меня? Гордый, значит?

Мысль была такой громкой, что он спохватился: не произнес ли вслух?

Пробежался рассеянным взглядом по верстаку, не зная, что еще сказать, как продолжить разговор, чтобы не вляпаться в то, на чем они закончили в прошлый раз. Не вляпаться в кровь из старых ран.

Его внимание привлекли часы в непривычно громоздком корпусе из полированной стали. Они лежали без задней крышки циферблатом вниз, выставив напоказ свои хитроумные внутренности. Артем присвистнул.

– Нержавейка, да еще и автоподзавод? Двадцать один камень?

Часы в их килоблоке разнообразием не отличались. Всего два вида латунных корпусов: диаметром побольше для мужчин, поменьше для женщин; два вида стекол, прямые и куполообразные; два циферблата, черный и белый. И один механизм калибра «1801» на пятнадцати камнях для всех. Те, что лежали сейчас на верстаке отца, явно готовились как наградные, их впору было носить какому-нибудь важному начальнику, такими не побрезговал бы и чекист.

– Не доделал еще, нечего тут разглядывать, – спохватился отец и как-то слишком поспешно набросил на часы платок.

Затем он все же сел, и свет настольной лампы пролился ему на голову, заискрил в платиновой седине, вычерпал тени из глубоких морщин. Как же он постарел, думалось Артему, как же время безжалостно к тому, кто всю жизнь ловил его между стрелок.

Много циклов назад Артем бежал от этих шестнадцати метров, от бесконечных разговоров о часах, от отцовской недальновидности, что заперла редкого специалиста с семьей в коммуналке, от вездесущих запахов лекарств и провонявших мочой простыней. Бежал, чтобы учиться, чтобы спастись.

Вернулся, только когда узнал, что мать умерла, проведать, но тогда ему не дали даже переступить порог. Много чего отец сказал в ту смену и много чего услышал в ответ. Они били словами, как картечью, израсходовали весь запас, истощили сердечный арсенал. Слов больше не осталось.

В унисон тикали настенные часы – все восемь штук, составленных в ряд на полке, – каждая оброненная секунда лишь сильнее сгущала воздух, все более неловкой становилась тишина. Первым заговорил отец.

– Поля заходит ко мне.

– Знаю, – сказал Артем сухо. – Она хорошая дочь.

– Да. Хорошая.

Сколько Артем ни силился, не смог заметить и следа издевки в неподвижных глазах старика.

– Она… она познакомила меня с Танюшей. – Чуть смущенный взгляд его стрелкой метронома качнулся к сыну, проверить реакцию, и обратно, куда-то в угол комнаты. – Милая девочка.

– Да.

– Ну а внука?.. – Стариковские пальцы без остановки сминали и разглаживали угол платка, которым он накрыл часы. – С внуком хоть дашь?..

Сколько еще ты будешь меня наказывать? – слышалось в сиплом от резкой нехватки кислорода голосе. Но Артем еще помнил, какие шрамы может оставлять этот голос, невозможно забыть то, что будит тебя по ночам.

Нет, он не жалел, что уехал. Окружающие всегда воспринимали Гигахрущ как данность, безликую совокупность этажей и блоков с четким порядком: здесь работают, здесь спят. Даже Служба быта, которая забиралась куда глубже и могла рассмотреть все изнутри, не видела дальше пыльных чертежей и схем: вот трубы, вот шахты, вот кабели. Одно надо починить, за другим следить, чтобы не развалилось. И только Артем находил во всей этой бескрайней бетонной массе невообразимый простор для человеческого гения. И притягательную Загадку.

Правда была в том, что отец со своими часами ему мешал. И Полина с вечными подростковыми проблемами мешала. И мать, которая болела, сколько он себя помнил, и которая перестала узнавать детей, едва они пошли в первый класс, – она тоже мешала. Он бы погиб, останься здесь, с ними, на этих шестнадцати метрах.

Полина поняла это, смогла принять. Но не отец.

Артем не жалел, ведь он стал тем, кем всегда мечтал, – ученым. Вот только стыд не сожаление, у него больше зубы и крепче челюсть, он слеп и подобно твари Самосбора прогрызает себе путь сквозь что угодно, хоть сквозь само время, питаясь падалью из воспоминаний и старых обид.

И сейчас человек, перед которым Артем почти треть своей жизни сгорал от стыда и которого он ненавидел за это, сидел напротив.

– Конечно дам. Ты ведь его дедушка.

Лицо отца дрогнуло и едва заметно помягчело. Каждый мускул его теперь был мускулом живого человека, а не пучком железной проволоки.

– Ну а работа как? – спросил он смелее. – Получил, что хотел?

Взгляд его в открытую изучал пыльный халат сына.

– Работа… – Артем потрогал себя за ухом. – Честно говоря, с работой мне нужна твоя помощь.

Он положил на верстак пенал и открыл крышку. Забрать алмазы из сейфа не составило труда, Павлютин перед его уходом так нажрался, что не заметил бы, начни Артем выковыривать их у него из задницы.

– Каждый по два карата. Сможешь из своих камней сделать точно такие же, один в один?

Ответ он знал и так. Синтетические корунды используют в часах, чтобы стабилизировать трение и повысить износостойкость механизма. Одни служат опорой, другие выступают в роли масленки. Хороший часовщик сможет придать им любую форму.

Отец подхватил алмаз пинцетом, отыскал на верстаке и приложил к глазу монокуляр с лупой. Несколько секунд внимательно изучал огранку. Фыркнул.

– Легко.

Часовые камни традиционно подкрашивают введением микроскопической доли хрома, придавая им рубиновый оттенок, но изначально они бесцветны. И если не задаться целью сравнить коэффициенты преломления, отличить их «на глаз» от алмазов будет непросто.

Отец немного повозился с измерительной сеткой, сделал несколько пометок карандашом в блокноте и вернул камень в пенал. Сказал:

– Сделаю, можешь забирать.

– Пусть немного полежат у тебя. Надо придумать, как их поудобнее спрятать…

Он все еще рассчитывал использовать их по назначению в будущем. Для настоящей науки.

– У тебя все хорошо? – Впервые с момента встречи старик смотрел на сына прямо, не отводя внимательных глаз, натренированных не пропускать ни единой детали, подмечать мельчайший изъян.

– Да, я… все хорошо.

Отец кивнул, и в молчаливом жесте этом не было ничего от равнодушия, лишь решительный акт доверия: делай, как посчитаешь нужным. И Артем вряд ли смог бы описать, какую благодарность испытал за него в ту минуту. Чувствовал: один неверный вопрос, одна случайная мысль, одно внезапное сомнение способно качнуть чашу весов, и вся его уверенность, вся мнимая твердость осыплется сухой штукатуркой.

Если подумать, отец всегда мало говорил. Он просто ухаживал за прикованной к кровати женой, и даже когда вместо мозгов у нее осталась одна каша, никто не услышал от него ни единой жалобы. Он просто пошел бить морду, когда зять стал распускать руки на беременную Полину. Он просто выставил сына, когда тот его предал.

Он принимал ответственность грудью, как щитом, и делал то, что должно. И сейчас Артем в кои-то веки собрался взять с него пример.

…Прощались так же немногословно.

– Будешь еще заходить? – спросил отец, помявшись.

– Как только вырвусь с работы, – ответил Артем и прежде, чем старик успел закрыть за ним герму, добавил: – А биоконцентрат ты все-таки ешь.

***

– Представляешь, начала кладовую разбирать, а там лыжи! Что с ними делать, ума не приложу. – Полина облизнула окаменелый осколок рафинада и запила мелким глотком чая.

– Лыжи? – Артем не сразу сообразил, о чем речь, среди женского многоголосия ему было порой непросто вклиниться в суть.

– Ну лыжи. Доски такие, чтобы по снегу ездить.

– Да-да, я знаю, что это…

И про снег он тоже знал – редкое аномальное явление, которое можно встретить после Самосбора. Но зачем по нему кому-то ездить?

Чай он прихватил с объекта, такого добра на этажах не найти, даже через Гнилонет раздобыть его непросто. Они выпили уже, наверное, по пять кружек, а девчонки продолжали трещать наперебой, разгоряченные, взбудораженные, будто намеревались уместить последние два квартала в несколько оставшихся часов. У Гарина только спросили, сыт ли он и не сильно ли устает. Большего, понимали, не расскажет.

Димка на полу играл с новыми оловянными солдатиками. Казенного концентрата с лихвой хватало на всех, и Полина работала в полсмены, только чтобы не получить запись о тунеядстве. С тех пор как у нее появились лишние талоны, у Димки прибавилось игрушек.

– Какие слова все-таки буржуйские, – рассуждала Полина, подливая себе чаю, – «излишки», «заначка».

– Капитал еще хуже, – поддакивала Таня. – Получается, будто бы ты тогда капиталист. Ну а как еще назвать, когда всего хватает, еще и остается? Чтобы не по-обидному?

– Никак, – отрезала Полина. – Нет в словаре партийного человека такого слова.

Но талоны она все же стягивала тугой резинкой и бережно прятала под матрас.

Артем без всякого интереса обошел квартиру и осмотрел новую мебель, лениво похлопал дверцами шкафов и комода, посидел немного в кресле. Мебель выдали добротную, ничего нигде не шаталось, не скрипело и не провисало, но все это не вызвало никакого отклика в душе. Радость от переезда улеглась, примялась, как забытый в чемодане пиджак, и Артем смотрел на квартиру уже другими глазами.

Позже они с Таней лежали в кровати и слушали дыхание друг друга. У них было меньше двух часов, если он хотел успеть к отцу за фальшивыми камнями и еще вернуться на объект до начала рабочей смены. Никак не получалось заставить себя подремать. Артему вновь казалось, что Гигахрущ опустел и не осталось в нем иных звуков – только стук собственного сердца и дыхание жены.

Без алмазов нейростимуляторы не помогут, рассчитывал он. Весь его хилый план строился на провале очередных испытаний. Может, хоть тогда к нему наконец-таки прислушаются, а от детей отстанут.

Артем ласково погладил жену по волосам. Он не мог без света видеть ее лица, но догадывался, что она не спит. Спросил шепотом:

– Ты не боишься рожать? Рожать… здесь.

– Почему? Медблок совсем близко.

– Нет, здесь – в Гигахруще.

Тут же сообразил, как это глупо звучит: будто можно рожать где-то еще. Хорошо, что и она его не видит, подумал он.

– Почему ты спрашиваешь?

– У нас на проекте есть девушка, беременная. Она как-то спросила меня… ерунду какую-то, на самом деле. Забудь. Просто устал, вот и лезет всякое в голову.

– Боюсь, – едва слышно сказала Таня и на несколько секунд перестала дышать. – Особенно когда тебя так подолгу нет рядом. Но дети – это ведь не только страх, правда? Это еще и надежда. Надежда сильнее всякого страха, я так думаю.

Артем нашел в темноте Танин живот, сквозь ночную рубашку коснулся горячего и упругого. Рука мелко задрожала. Если его подлог вскроется, страшно будет уже всем.

Но больше малодушничать он не мог, нечто не пускало, драло наждачкой по голым нервам, требовало: поступи правильно, Гарин! Наука должна служить жизни, и никак иначе. Но какое оно, это «правильно»? То ни одна ученая степень, ни одна мудреная дисциплина с точностью не скажет, то в себе надо с фонарем отыскать, в самой своей человеческой сути, откопать, вытащить на свет из-под завалов страхов и сомнений.

И он обязательно найдет, откопает и вытащит, пусть и всего себя избороздит, наизнанку вывернет. Ведь он все-таки ученый.

***

Павлютин выдал ему самодельный проволочный ключ, но и с ним Артем провозился не меньше пятнадцати минут, прежде чем подцепил фиксатор и снял его с ролика. Только тогда двери шахты удалось открыть.

Снова оглянулся, вытер набежавший в глаза пот. Прислушался: не громыхнет ли где герма, не застучат ли сапоги рабочего класса навстречу новой трудовой смене. Лишнее внимание привлекать не хотелось, он и так настрого запретил отцу и девочкам рассказывать кому-либо о своем визите – кто знает, как много у чекистов глаз и ушей в этих блоках.

Этаж оставался пуст. Конечно, удобнее спускаться с минусового, но к нему имела доступ только Служба быта.

Артем медлил, от самого вида темного зева шахты брала оторопь и сердце подпрыгивало к горлу. И как только Павлютин со всем этим справляется?

Злость придала сил, Артем осторожно протиснулся к лестнице, от которой здесь сохранилось одно название, ухватился за холодную арматуру. Но не успел он спуститься хотя бы на метр, когда услышал над собой:

– Дружище, ты? Я-то думаю, кто у нас тут двери постоянно ломает? В лифтеры заделался или как?

Шилов сидел на четвереньках в лифтовом портале, загораживая свет, и лыбился во все зубы. Руки Артема ослабли, тело налилось тяжестью, готовое вот-вот сорваться навстречу мраку.

– А что там? – спросил Шилов серьезнее.

Артем только сильнее стиснул челюсть. Как он мог так бестолково попасться? Раскрыть существование подвала, да не кому-нибудь, а контрабандисту!

Так они и молчали, глядя друг на друга: один пытливо, сверху вниз, поправляя папиросу за ухом; другой испуганно и упрямо, снизу вверх.

– Ну, раз нет там ничего, говоришь, значит нет. – Шилов подмигнул и поднялся. – Фонарик взял хоть? Дверки я прикрою, а то свалится еще ребятенок какой.

Артем кивнул. Не без труда оторвал побледневшие пальцы от перекладины, отыскал упор ногой. Повторил.

– Шилов! – крикнул, когда полоска света на соседней стене стала совсем узкой. Голос эхом отрикошетил от четырех углов шахты.

– Ау?

– Того парня… с пневмонией. Его спасли?

– Спасли, а как же. Ты спас.

IX

– Запись номер девять, третья смена с начала нейростимуляции. Интерна. Скажи, пожалуйста, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, замечательно!

– Голова не болит?

– Не-а.

– Ты много улыбаешься в последнее время. Что тебя радует?

– Не знаю, просто. А можно послушать музыку? Гимны по радио. Можно потанцевать?

– Сосредоточься, пожалуйста, и не отходи от микрофона. Вернись на место. Чувствуешь что-нибудь необычное эти смены? Может, видишь или слышишь что-нибудь новое?

– Нет, только жмурики мельтешат сильнее.

– Жмурики?

– Ну точки такие, если зажмуриться, – жмурики!

– И где ты видишь их сейчас?

– На полу. И стенах. И потолке. Везде!..

Фрагмент записи от 30.03.93; 14:05.

Сколько бы Павлютин ни возмущался, что его радикальным испытаниям не дали ход, вынужденно признавал идею с нейростимуляцией толковой. Если представить детские мозги как сложный передатчик, то с вмешательством хирургов настроить его на резонанс с изобетоном Гигахруща удалось куда точнее.

Дети после операции изменились, их эмоции воспламенялись моментально и горели ярко, как бикфордов шнур. Резкие смены настроения мешали им сосредоточиться на занятиях, а бурные всплески порой загоняли в ступор бывалых воспитательниц. Сам мир для них стал другим, привычные еще вчера вещи теперь воспринимались совсем иначе, куда тоньше и острей. Все живое и естественное в них теперь подчинялось волоскам проводников в черепной коробке.

Интерна могла рассмеяться без всякого повода и хохотать до слез, до судорог и спазмов. Так, что ее не удавалось успокоить. Но стоило отключить нейростимулятор через дистанционный пульт, и она сразу – буквально по нажатию кнопки – впадала в глубочайшую апатию, переставая реагировать на происходящее вокруг.

Творчество единственное позволяло хоть как-то компенсировать нейронную перегрузку. Интерне больше не нужны были мелки, теперь она могла выводить узоры прямо на мягком, послушном под ее пальцами бетоне. А больше всего ей нравилось создавать стулья. Она долго и пристально смотрела в одну точку на полу, пока из нее не вырастала аккуратная серая ножка. Потом вторая, третья и четвертая. На четыре такие ножки у нее уходило не меньше часа. Дальше она зачерпывала бетон руками – прямо там, где стояла, – и словно из пластилина старательно лепила сиденье и спинку.

Стулья получались кривыми и неказистыми, но с каждым разом она старалась лучше, правя изгибы и пропорции, разглаживая ладошкой шероховатые поверхности. Так увлекалась, что забывала о суточном распорядке. И однажды прокусила палец воспитательнице, которая попыталась отнять ее от лепки.

Томик стал тревожным и раздражительным, беззащитным комком воспаленных нервов на тонких ножках. Он почти ничего не ел и мало спал, его начала пугать темнота, и он постоянно жаловался на кошмарные сны. Он разлюбил черчение, строгость углов и линий теперь

вызывала у него паническое удушье. Временами он замирал посреди комнаты или коридора, как приклеенный, глядя в никуда. В поблекшие глаза его набегали слезы.

– Миндалевидное тело?! – Дочитав послеоперационный отчет Тарасова, Артем рассвирепел. – Кто разрешил?!

– Да чего ты кипятишься-то, все согласовано. На самых верхах! – Павлютин не смог сдержать самодовольной ухмылки, но, быстро опомнившись, продолжил спокойным тоном: – Одного через позитивные эмоции, другого через негативные. В интересах всестороннего тестирования, разумеется!

И тут он успел подгадить, и тут умудрился протолкнуть за спиной свою бесчеловечную инициативу. Артем едва сдержался, чтобы его не удавить.

А потом Томик исчез, и его не могли найти больше суток. Поднялся переполох, воспитательницы по десятку раз излазили все углы на трех этажах, Павлютин пил водку и занюхивал кулаком. Лицо его посерело от мыслей, как он будет объяснять чекисту, что они потеряли ребенка на закрытом объекте. На следующую смену кто-то случайно услышал тихий плач из лифтовой шахты. Когда вскрыли двери на минус первом, обнаружили Томика на самом дне, всего пыльного и едва живого.

Каким образом он туда попал, не зафиксировала ни одна камера, но догадаться было несложно, особенно когда он начал пробираться в соседнюю ячейку к Интерне. Прямо сквозь стену.

Дети засыпали обнявшись. После операции они сильно сблизились, будто связанные той разрушительной силой, что гнула и ломала их хрупкие разумы.

Нейростимулятор Томика стали отключать на ночь, а его самого на всякий случай привязывали к кровати, пока он не додумался уйти куда-нибудь подальше.

Отсюда можно уйти, думал Артем, для этого не обязательно просачиваться сквозь стены. Прямо перед его глазами висел монитор с комнатой Интерны и двумя пустыми бетонными стульями. Он ничего не исправил, лишь заменил одну пытку на другую.

А значит, пора было найти третий путь.

***

– Запись номер шестнадцать, шестая смена с начала нейростимуляции. Томик. Ты меня слышишь, Томик? Как ты себя чувствуешь?

– Голова опять болит.

– Что-нибудь еще?

– …

– В прошлый раз ты говорил, о своих снах. Они все еще мучают тебя?

– …

– Томик! Расскажи нам.

– Коридоры. Без лестниц и дверей. Они сужаются, в них тесно, я в них задыхаюсь…

– Продолжай, пожалуйста.

– Мне кажется, я могу их раздвинуть. Только не знаю как…

Фрагмент записи от 02.04.93; 10:15.

Артем продолжал втайне от воспитательниц носить Инге бурый биоконцентрат. Ждал, пока она доест, чтобы забрать пустую банку. Редкие фразы, которыми они при этом обменивались, стоили не больше коридорной пыли.

– Это правда? – спросила как-то Инга, вяло ковыряя любимое лакомство. В ту смену аппетит к ней совершенно не шел. – То, что вы тогда сказали. Когда они получат ребенка… просто избавятся от меня?

Артем и сам не знал, куда деваются матери подопытных, не знал об этом и Павлютин. Спрашивать у чекиста было бесполезно. Стоило ли снова пугать своими догадками женщину на таком сроке? Однако, отметил он, Инга сказала «они», не «вы». Уже хорошо.

Молчание его Инга растолковала по-своему, помрачнела лицом. Не стала доедать, пришлось унести с собой практически нетронутую банку. Вопрос, которого Артем так ждал, но одновременно боялся, вонзился ему меж лопаток в последний момент.

– Вы мне поможете?

А часом позже на объект прибыл с проверкой чекист.

***

Интерна лучилась жизнерадостностью и с любопытством оглядывалась, неустанно качаясь на носках. Под ее ногти забилась серая бетонная пыль. Томик угрюмо поглядывал на взрослых, откусывая по кусочку от торчащей из рукава нитки, то дергал плечом, то крутил головой, словно его донимали чьи-то невидимые касания. Будь активен его нейростимулятор, мальчик явно предпочел бы провалиться сейчас сквозь пол.

Артем еще никогда не видел детей так близко. Никто на них не цыкнул, не заставил стоять ровно. Белые, как известь, воспитательницы вытянулись в ряд, прилипнув к стене.

Павлютин монотонно зачитывал доклад – прямо здесь, посреди коридора; чекист отказался идти в кабинет или командирскую и хотя бы присесть. Слушал с каменным лицом, возвышаясь над руководителем проекта на целую голову. Даже ликвидатор, ожидающий чуть позади, уступал ростом этому гиганту.

Тарасов взволнованно переглядывался со своей командой. Если не считать Инги, персонал всего объекта был в сборе.

Павлютин перестал читать, и на несколько мгновений повисла тишина, такая герметичная, что, казалось, ее и сиреной не пробить.

– Как я понимаю, от цели проекта мы все еще далеки, – заметил чекист.

– Ну, не скажите, – принялся оправдываться Павлютин, – с нейростимуляцией дети куда лучше контролируют свои способности. Есть предположение, что загвоздка в камнях. Отчего-то они не обладают… эффектом, на который мы так рассчитывали. Похоже, изобетон в них не так стабилен, как мы думали, и все же подвержен замедленному распаду…

Павлютин посмотрел на Артема в ожидании поддержки, и тот заставил себя кивнуть.

– Ну так разберитесь, – выплюнул чекист раздраженно. – У вас тут целый специалист по камням! Когда испытания на ЗВС?

– Они еще не готовы… – сказал Артем.

– Нужно еще время, – добавил Павлютин.

– Время, время… Нет у вас времени, товарищи. Кончилось! По ложечке вы его черпали да вычерпали без остатка. Вместе с моим терпением. Сказать, как я вами разочарован, значит ничего не сказать. Сама Партия в вас разочаровалась!

Смысл его последних слов не поняли бы разве что дети, на остальных он обрушился роковым приговором, тяжелым прикладом выбил воздух из легких. Павлютин сдавил двумя пальцами переносицу и зажмурился – можно было подумать, что так он сдерживает слезы. После услышанного никто не осудил бы его за слезы.

– Сосредоточьтесь, – продолжил чекист как ни в чем не бывало. – Два бесполезных образца – ровно на два больше, чем нам нужно. Я хочу, чтобы вы сфокусировались на ком-то одном. А если вам нужна помощь с выбором…

И кивком головы он показал ликвидатору на Томика.

– Застрели.

Рука существа в противогазе – человеком его звать у Артема не получалось – будто жила своей жизнью, отдельно от тела. Одним плавным движением расстегнула кобуру и достала

пистолет, толстый палец в черной латексной перчатке отвел курок. Томик не двинулся с места, а вот Интерна вцепилась в него обеими руками. Ее испуганные, непонимающие глаза смотрели прямо в дуло.

– Нет, – поправил себя чекист. – Ее.

Ствол сдвинулся чуть ниже и правее. Воспитательницы лишь сильней вжались в стену, когда Артем шагнул на линию огня.

– П-перестаньте.

– Не уверен, что это необходимо… – хрипло начал Павлютин, но чекист на него даже не глянул.

– Отойди, Гарин. Свой патрон ты еще не отработал.

Голос его заледенел вместе с переходом на ты.

Кто-то ухватил за локоть, потянул. Павлютин.

– Ты чего творишь? – зашипел в ухо.

Пистолет целил Артему в грудь. Отойди, Гарин.

– Оставить одного ребенка без отца, чтобы на секунду продлить жизнь другому. Умно-о… Как это называется, ученый подход?

Артем открыл было рот, но ответить не смог. Он задыхался, перед глазами все плыло, лишь пистолет оставался четким, настоящим. В отличие от руки, что его держала, – дальше запястья сплошное размытое пятно. Отойди, Гарин.

Ноги пока еще держали крепко – их как из бронзы отлили – и Павлютину не удавалось сдвинуть его ни на миллиметр.

– Не дури, кандидат! Я твой начальник, и я велю тебе немедленно…

Подумалось, что ствол, должно быть, холодный. Что пахнет металлом и оружейным маслом. Артем никогда не видел людей, в которых стреляли, но сейчас ясно представил, как свинцовый сердечник в латунной рубашке летит ему навстречу, летит калечить и убивать, как кинетическая энергия гонит пулю сквозь плоть – рвать вены и артерии, крошить хрупкие кости… Да отойди же ты, Гарин!

Павлютин, хитрец, поставил подножку, и вдвоем они растянулись на полу.

Чего Артем не представлял, так это грохота, многократно усиленного эхом коридора, с каким выстрел разорвет его барабанные перепонки. Что-то мелкое шрапнелью полоснуло по щеке. Писк в ушах перекрывал воющих воспитательниц, хирурги согнулись к самому полу, прикрывая руками головы. Павлютин куда-то уполз.

Дети стояли на том же месте.

Пуля вошла в бетонный столб высотой чуть больше метра, расколов верхушку. Все вокруг засыпало серой крошкой.

Ликвидатор прицелился снова, чуть отклонившись, но чекист его остановил.

– Любопытно, – сказал, изучая преграду, которой секунду назад там не было. Которая выросла со скоростью пистолетного бойка. – И кто из вас это сделал?

Дети ему не ответили. Интерна беззвучно рыдала, уткнувшись Томику в грудь, а тот исподлобья следил за ликвидатором. Артем узнал выражение этих глаз.

– Семисменка. – Чекист посмотрел на ученых сверху вниз. – У вас семисменка, чтобы все подготовить. Потом мы заберем детей тренироваться в ликвидационный Корпус, там их способностям найдут применение. Если не хотите махать граблями вместе с ними, работайте.

Оглушенный Павлютин только и мог, что открывать рот и ковыряться в ушах. Артема начало рвать бурой слизью.

Чекист в сопровождении ликвидатора отправился к выходу, но вскоре вернулся с тряпицей в руке.

– Совсем забыл, – сказал он, разворачивая ткань. – Если у вас проблемы с камнями, используйте этот. Не спрашивайте только, где Службе быта пришлось ради него побывать.

И протянул металлический браслет со сверкнувшей крупицей алмаза. Тот самый, что Томик смыл в унитаз.

– Вы меня услышали. Семисменка!

X

Как он там говорил, «по любому вопросу»? Сам напросился.

Шилов если и удивился позднему визиту, то виду не подал. Куда больше его впечатлили принесенные Артемом баночки бурого и бутылка «Краснознаменской». Стол собрали быстро, по такому случаю хозяин даже постелил свежую газету. Жил он один.

Выпили по первой. Шилов откинулся на стуле и блаженно закатил глаза, закусывать не спешил. Задымил папиросой с обманчивой безмятежностью, на самом деле слушал он крайне внимательно, ни разу не перебив.

Артем, подражая чекисту, говорил скупо и только по делу, стараясь при этом прощупывать взглядом выражение лица напротив. Но так ничего и не разобрал за густой щетиной и приспущенными веками. Хорош Шилов, хоть в разведку посылай.

Разлили по третьей.

– Не знай тебя, дружище, решил бы, что тебя особист подослал. С такими-то разговорами.

– А ты меня знаешь?

– Немного.

Артем разогнал дым у себя пред носом, и следующий вопрос сам скакнул ему на язык:

– Почему ты меня тогда не попросил? Пронести таблетки. Ты мог просто попросить.

– А ты бы на моем месте попросил?

– Ну, если все объяснить как следует…

Шилов ждал, улыбаясь.

– Нет, не попросил бы, – сдался Артем.

– Слушай, я ведь хорошо умею людей видеть. Честных и подлецов. А стукача и вовсе хоть в темноте… – Шилов приложил палец к глазу. – Такой вот у меня дар. И под пиджаком твоим я человека порядочного сразу приметил, только его еще вытащить было надо.

С проржавевшего крана капала вода, выстукивая по дну перевернутой кастрюли, моргала висевшая на пыльном проводе лампочка. Весь линолеум на кухне покрывали заплатки, как старые шрамы; стоило задеть их неаккуратным движением стула – и сквозь дыры просвечивал голый бетон. Откуда только берется та самая порядочность среди всей этой разрухи, как просачивается в умы и души, почему одни носят ее медалью на гордо выпяченной груди, а другие прячут под пиджаками, белыми халатами и кевларовыми комбинезонами – вот Загадка, которую стоило бы изучать в НИИ.

– А по вопросу твоему… – Шилов замялся, почесывая макушку. – Оно-то, конечно, нетрудно, человека в Гигахруще спрятать. Куда сложнее пристроить его потом в жизнь общественную. Тут понимать надо: человеку без документов существовать строго воспрещается. Нет бумаг – нет работы, нет работы – нет пайка. Любой донос от подозрительного соседа, любая случайная проверка документов на распределителе… Объяснять, думаю, без надобности.

– Совсем, значит, никак? – спросил Артем упавшим голосом, разглядывая свой стакан. Водка не лезла в горло.

Шилов пустил ноздрями дым и хитро прищурился.

– Не гони ты, есть вариантик. Бабушатник, слыхал про такое? Берется бабка – чем дряхлее, тем лучше, и чтобы обязательно одна жила. И подселяется к ней… новосел. Он ухаживает за ней, моет там, с ложки кормит, одевает, на распределитель бегает. А она взамен ему жить с собой позволяет и не треплет лишнего. Если хорошая попадется, то и биоконцентратом с пенсии поделится. Бабкам, знаешь, многого не надо. Соседям говорят, мол, родственница из далекого килоблока приехала. Специально за бабулей ухаживать. Если сложится, никто копать не станет.

– И много так протянуть можно, бабку объедая?

– Да ты дальше слушай. Есть в Гигахруще умельцы, которые с документами подсобят. Берут недешево, предупреждаю! И работают не быстро. Слишком много инстанций надо обойти, слишком много рож умаслить… сплошная волокита, мать ее так. А пока можно работенку на стороне подыскать, на фермах вон постоянно рук не хватает. Духота, сырость, плесень, сапоги до жопы, сам понимаешь. Если с начальством подфартит, закроет на время глаза, что без бумажки. Зато потом ты заслуженный труженик, полноправный член социалистического общества! Там уже можно и о работке получше думать, и на очередь по распределению жилплощади становиться. Главное, чтобы бабка раньше срока не померла.

– Слишком много удачи выходит…

– А иначе как? – хмыкнул Шилов и закинул в рот кусок концентрата. – Сегодня мы вот с тобой беленькую кушаем да бурый, а завтра у гермы уплотнитель отойдет… Без удачи и нет нас, считай.

– Ну а ты мог бы?.. – От волнения Артем закашлялся, постучал себя кулаком в грудь. – Если гипотетически…

– Конечно-конечно, исключительно гипотетически! – рассмеялся Шилов и выставил перед собой руки, блестящие от жира. Биоконцентрат он предпочитал есть, отщипывая пальцами по кусочку. В следующую секунду невидимая пластинка в его голове сменилась, и он стал до страшного серьезным. – Мог бы. Вот только все, что я тебе говорил… «гипотетически», возможно только со взрослыми. С детьми все не так. Работать они не могут, а жрать им дай, одень. Детей в школу надо. Больше шуму, больше бумаг. Это тебе не таблетки, через КПП их в кармане не протащишь, в детприемник за руку не отведешь, даже если бы я знал, где тот находится. А если их еще и искать будут…

Он требовательно посмотрел на Артема, и тот кивнул.

– Тогда найдут. Как пить дать найдут.

…Павлютин отыскал решение с камнями, дурацкое, непросчитанное решение отчаявшегося человека, прижатого к ногтю. Но отчего-то в последнее время все его дурацкие идеи и замыслы обретали жизнь. Томику вживили камень прямо в мозг, поближе к стимулируемым ядрам, и не синтетический корунд, а настоящий алмаз, который вернул им чекист.

И сегодня мальчик убрал стену.

Сказал, что, если присмотреться, видит скачущие по бетону точки – «жмуриков». А потом моргнул, и стена медблока исчезла, растворилась, как и не было, остался лишь дверной портал с закрытой гермой. Сразу после этого у Томика остановилось сердце. Два часа реанимации, чудо, пляшущее у хирургов на кончиках пальцев, – и смерть на этот раз спасовала. Испытания переносить не стали, Павлютина ничто не могло переубедить, в него вселился алчный дух самосборовой твари, почуявшей близкую кровь. «Прорыв!» – верещал он, потрясая кулаками, скакал по командирской, как одуревшая от говняка малолетка.

Артем продолжал угасать, и разговор с Шиловым лишь подсыпал в душу песка на последний тлеющий огонек. Ему никого не спасти. От себя самого и от удушливой своей беспомощности делалось тошно.

– Ты прости, ладно? – попросил Шилов. Вся его вальяжная легкость куда-то испарилась.

Водку Артем допивать не стал.

***

В голове слегка шумело после выпитого, но это и хорошо – за этаноловым дребезжанием было не услышать собственных мыслей. Квартиру Артем открыл своим ключом, просочился в прихожую и щелкнул выключателем. Прокрался на цыпочках, чтобы никого не разбудить, к их с Таней спальне, осторожно толкнул приоткрытую дверь. Столбик света разлегся на пустой кровати.

В комнате Полины тоже никого. И где их только носит в такой час?

Они его не ждали и наверняка засиделись у соседей или у кого-нибудь из бесчисленных Полининых подруг. Странно только, что не уложили спать Димку. Артем встряхнулся, сбрасывая с шеи холодные пальцы беспокойства.

Деревянная коробка, только недавно покрытая лаком, смотрелась инородно на щербатой, испещренной несмываемыми пятнами поверхности кухонного стола, царапала глаз своей непривычной для Гигахруща новизной. Артем откинул мягко поддающуюся крышку и замер. На плотно сбитой ватной подушечке лежали часы: хромированная булавка единственной стрелки показывала начало полуночи; вся разметка, каждая цифра была объемной, выпуклой – приклеенной к графитовому циферблату, а не отпечатанной. Изящная работа.

Те самые часы.

Из коробки выпала записка, составленная угловатым, геометрически выверенным почерком отца – он всегда хорошо затачивал карандаши и всегда использовал листы в клетку.

«Автоподзавод. “Заря”, 23 камня, нерж., сапф.
Сынку».

Артем слепо присел на край табуретки, не выпуская записки из рук, смотрел на это короткое «сынку», а буквы расползались и складывались в «прощен». Отец всегда говорил, что время нельзя вернуть, но можно починить. Все на свете можно починить.

Что-то забралось Артему в ноздри, поднялось по носовым пазухам, свербя в переносице, добралось до резко повлажневших глаз, защипало в уголках. И легкие будто приобрели в объеме, а вентилируемый ими воздух стал чище, и такая уверенность вселилась под шкуру, такая сила забурлила в венах – кипучая, непримиримая, – что впору самому сдвигать стены. Его раскалило докрасна, как металлическую болванку, ударами молота сбило окалину и шлак – все лишнее, что он так долго таскал с собой.

Артем примерил часы и только тогда вспомнил, что «Заря» работает на двадцати одном камне. Он снова заглянул в коробку и обнаружил под ватой липкую грушу из податливой резины – простейший инструмент часовщика, позволяющий без труда открутить заднюю крышку часов. Долго возиться не пришлось.

Отец придумал идеальный способ спрятать алмазы, чтобы при этом всегда держать при себе, ему даже не пришлось размещать их слишком глубоко в механизме – Артем отыскал бесцветные камни невооруженным взглядом, – а чтобы снять их с клея, достаточно будет их попросту нагреть.

Артем установил крышку на место, радуясь смекалке старика.

Насыщенный кислородом мозг продолжал работать со скоростью ЭВМ. Ослепительно ярко, словно магниевые, горели синапсы, пересобирая детали головоломки. Когда Артем вставал с табуретки, он уже знал, что будет делать, и знание это развеяло его страхи не хуже всякой надежды.

Ноги сами понесли в комнату Полины. Она не шутила, говоря, что хранит заначку под матрасом, толстая пачка талонов едва поместилась во внутренний карман пиджака. Хватит на одно самоубийственное дельце.

Артем поискал глазами, чем бы написать записку, затем вспомнил, что всегда таскает с собой карандашный огрызок. Криво нацарапанное послание с призывом не волноваться и обещанием все возместить оставил там же, под матрасом.

Больше терпеть было невмоготу, и он не стал дожидаться жену с сестрой, как планировал, запер за собой квартиру и даже не сбежал – слетел, едва касаясь ступеней, с шестого этажа на первый. Дальше в соседний блок, бегом, и вот уже стучит кулак в железную обшивку Шиловской гермы.

– Чего расшумелся?

Шилов на пороге казался ничуть не пьянее, чем полчаса назад. Артем бесцеремонно протиснулся мимо него в полутемную прихожую и дождался, пока гермозатвор вновь отрежет их от коридора.

– Вот, это чтобы все подготовить. Будет больше, будет бурый и водка, всё, что скажешь.

Шилов и не взглянул на протянутую пачку, в горле у него забулькало.

– Я же сказал. С детьми никак.

– Только женщина. Я все придумал. Возьми.

Он должен спасти хоть кого-то. Вытащить двоих – это больше, чем ничего.

– Брюхатую? Нет.

– Я все придумал, у меня есть план. Возьми.

Света из кухни в прихожей явно не хватало, воздуха тоже. Шилов молчал, опустив голову, тени накрыли его капюшоном.

– Бери же!

Артем не узнавал собственного голоса, хотелось выть сиреной, рычать порождением багрового тумана. Сейчас ему, всему наэлектризованному, воодушевленному, внезапное капитулянтство Шилова казалось до паскудства мелочным, безобразным. Что же это он, гад, глаза прячет? Так красиво все расписывал, а теперь на попятную?

Нет уж, Гарин, ты его прижми. Наори, если потребуется, всю душу из прохвоста вытряси, в глотку ему эти талоны засунь поглубже, но не отступай.

– Просмотрел ты тогда, Шилов. Ошибся. Не было под этим пиджаком никакой порядочности, сдать я тебя хотел, понял? Вернуться на пропускной и сдать. Потому как с порядочностью не рождаются и вместо рубахи не носят. Это всегда выбор заново, здесь и сейчас.

Долго они стояли в тишине и полумраке, повышая температуру прихожей тяжелым дыханием. Протянутая рука Артема затекла, мышцы будто забили стекловатой, но он решил ни за что ее не опускать, пока сама не отвалится.

А затем Шилов выбрал.

XI

Артем еще никогда не видел Томика таким счастливым. Мальчик с перебинтованной головой сидел в кресле-каталке, кислородные трубки тянулись из его носа, а капельница бесперебойно разбавляла химией его слабый кровоток, и все же он улыбался. Ведь совсем скоро он впервые покатается на лифте.

Павлютин задержался в дверях кабины, хлопая себя по карманам.

– Ты ключа моего не видел?

Вечно он разбрасывал свои вещи где ни попадя. Артем пожал плечами, рассеянность начальства играла ему на руку. Полчаса назад он взял со стола в командирской забытый ключ и незаметно передал Инге вместе с новой порцией бурого биоконцентрата.

– Поехали, у меня есть.

Лифт им разблокировали совсем ненадолго, и Павлютин был вынужден сдаться. Сопровождающий их ликвидатор нажал кнопку семнадцатого этажа.

– Думаешь, самый умный? – едва слышно проговорил Павлютин, подпирая Артема плечом, когда кабина не спеша поползла вверх. – Думаешь, мне по камерам ничего не видно?

Артем прикрыл глаза, сильнее вжимаясь в обшарпанную стенку и лихорадочно соображая, что ответить и не поздно ли вообще хоть что-то говорить. На поверхности тьмы плавали цветные круги. Все, Гарин, допрыгался?

– Я все еще твой руководитель, а ты мне подчиняешься, – продолжал цедить Павлютин. – И нарушения должностных инструкций я не потерплю. Или ты специально нарываешься? Мне плевать, какие вы там шашни водите с подопытной, хоть второго дитёнка ей потом заделай, но я запретил кормить ее бурым.

Артем дождался, пока сердце вернет себе прежний ритм, и так же тихо спросил:

– Почему?

– Правда не слышал или прикидываешься? – Павлютин покосился на него, добавил чуть мягче: – Подробностей не знаю, говорят, были исследования… В редких случаях бурый дает побочный эффект, какой-то элемент в составе может нарушить развитие плода.

– Насколько редких?

– Я сейчас не риски собираюсь просчитывать, я тебе говорю о прямом нарушении…

– Виноват, – перебил Артем, не чувствуя себя ни виноватым, ни заинтересованным больше в этом разговоре.

И откуда ему было знать? На этикетках такого не пишут. Беспокойство его никуда не делось, наоборот, по бензиновой пленке вот-вот грозила пробежать искра. Перед глазами встали доверху забитый консервами холодильник и Таня, ковыряющая вилкой багровую массу.

Образы унеслись, едва открылись двери, сейчас нужно было сосредоточиться на другом.

На семнадцатом ожидал отряд из четырех тяжеловооруженных ликвидаторов – настоящий конвой. Ученых с подопытным повели бесчисленными техническими коридорами, подальше от распределителей, жилых этажей и лишних глаз; крепкие бойцы без труда поднимали коляску с ребенком по лестницам. За все время в пути никто не проронил ни слова.

Лицо Томика расплывалось в улыбке всякий раз, как они занимали новый лифт, он восхищенно оглядывал загаженные, исписанные кабины и вслушивался в сопутствующие движению скрипы, стуки и треск.

– А можно кнопку нажать?

Павлютин с ликвидаторами не отреагировали, Артем разрешил.

Если дети – это судьи нашего завтра, думал он, если они будущие критики воззрений наших и деяний, то вся их проектная команда уже заработала на свой приговор, не отмоешься. И меньшее, что они могли сделать, – дать наконец ребенку покататься на лифте.

Закружилась голова. Позади, на объекте, вот-вот все начнется. Может, уже началось. Улучив момент, Инга спустится на первый этаж и ключом Павлютина отопрет командирскую, затем выключит все камеры и запустит систему оповещения – Артем подробно объяснил ей, как пользоваться пультом. Она выждет не меньше трех минут, пока ликвидатор спрячется в свою каморку на проходной, и только тогда разблокирует электронные замки выхода. Никто и не помыслит проверить, настоящая ли это тревога.

Через восемь часов сирены отключатся автоматически, и все решат, что она ушла через проходную, бойцы Корпуса прочистят весь килоблок, заглянут в каждое помещение, в каждую жилую ячейку на каждом этаже. Посчитают беглянку легкой добычей, которой ни за что не прорваться через КПП. И никого не найдут.

Ведь Инга спустится в подвал.

Павлютин с издевательской усмешкой поглядывал на взмокшего Артема и его треморные пальцы, но ничего не спрашивал. Переживания слабовольного коллеги он, по всей видимости, списывал на близость кульминации их исследований.

Но Артем был далек от грязных лестниц и трясущихся, скрипучих кабин. Чем дольше он следил за перемещениями Инги через камеру своего воображения, тем явственней видел все недочеты собственного плана, его скверную неискушенность.

Что, если кому-то из воспитательниц велено не спускать с беременной глаз? Что, если она застрянет в шахте с этим своим пузом или свалится со стремянки и переломает себе все кости? Что, если забудет его инструкции и заблудится в лабиринте? А что, если…

Прочь, Гарин, гони прочь! Ты уже ничем не поможешь, никак не повлияешь, так нечего себя изводить. Хорош герой – если сейчас так перетрухнул, то чего от тебя в будущем ждать, какой опорой ты им станешь? Так, подставочкой хлипкой.

В будущее и впрямь заглядывать было боязно. Шилов сам, когда услышал, поперхнулся папиросным дымом, пришлось ему водкой дар речи возвращать. Но согласился, шельмец, согласился…

Придержит он у себя Ингу, пока она не родит, пока бабушатник нужный отыщется. А там, через квартал-другой, и Таня поспеет с пополнением. Вот тогда шиловский доктор, который ему лекарства «на сторону» выписывает, и сварганит справочку о двойне. Ждал ты, товарищ Гарин, одного, получай дуплетом, принимай поздравления, папаша.

В этой части Артем сомневался больше всего: не дело это, мать с ребенком разлучать. Но выбора не было, да и сама Инга не раз твердила ему, что младенец ей обуза. Останется еще убедительно объяснить Тане все эти выкрутасы, зачем ей к груди чужую кровь прижимать. Вся надежда, что сердце материнское не лифт, грузоподъемность там не прописана.

…Они перекусили всего раз пресным биоконцентратом из тюбиков, ликвидаторы не ели вовсе – не хотели снимать противогазы при посторонних? Томик в своем кресле успел поспать. Десяток килоблоков и без малого пятьсот этажей – дорога отняла добрую половину рабочей смены, прежде чем они остановились перед нужной гермой.

Ржавые потеки тянулись по мятой обшивке, рычаг затвора был то ли выломан, то ли спилен, по контуру пролег толстый, неаккуратный сварочный шов. За дверью надрывалась сирена, и не смолкала она вот уже триста восемьдесят пять суточных смен. Чуть больше цикла назад Самосбор занял этаж соседнего блока и остался.

Артем с мрачной отстраненностью подумал, что они приехали зря. Некого тут больше спасать – ни по ту сторону гермы, ни по эту.

Павлютин запустил нейростимулятор Томика через пульт, и мальчик весь сжался, осунулся, будто из него откачали весь воздух.

– Видишь точки? – нагнулся к нему Павлютин. – Видишь их?

Томик сполз в кресле, растекся лужей, закрывая голову руками. Бинт со лба сполз ему на глаза.

– Ответь!

– Вижу.

– Хорошо. А теперь сдвинь их. Перемести за эту герму.

– Как?

– Ты знаешь, главное попробуй.

– Я устал.

– Я знаю, мы все устали. Сделай это, и мы сразу поедем домой. – Ложь Павлютина как подгоревший сахар на ложке, испорченный леденец. – Сделай, и будешь кататься на лифте, сколько захочешь!

Ликвидаторы ждали на безопасном расстоянии, у лестниц. Павлютин двинулся к ним. Если что-то пойдет не так, разойдутся в стороны перекрытия или рухнет потолок, если исчезнет единственная преграда, защищающая их от Самосбора, трусы сбегут с этажа. Перед гермой остались Томик и Артем.

Какое-то время ничего не происходило, мальчик сдавленно постанывал, лицо его исказила мученическая гримаса, сквозь тонкую кожу просвечивали синие черви вен.

Гул пришел издалека, родился словно в самом сердце бетона, нарастая постепенно, как обороты центрифуги, мелкой дрожью отдаваясь в подошвах сапог, пока не заполнил все пространство; сам коридор стал одним большим проводником, медной трубой для звука, алюминиевой жилой для электрического тока. Артем завороженно смотрел, как осыпается со стен грязно-зеленая краска и бежит по ним рябь, бежит только в одном направлении – к двери.

На мгновение гул перекрыл даже звук сирены… и в следующую секунду оборвался, захлебнулся, не оставив после себя и эха.

Томик в кресле завалился вперед, сложился пополам, уронив руки так, что они практически доставали пола, голова его безвольно болталась, как на ослабленной пружине.

Артем бережно подхватил невесомое ватное тело, устроил обратно в кресле; липкое тепло с запахом металла побежало по пальцам. Кровь из ушей Томика щедро заливала воротник его рубашонки, струилась за шиворот, распахнутые глаза оставались неподвижны. Сирена походила на скорбный плач тысяч покинутых душ.

***

Павлютин отказывался остановиться хоть на минуту, метался, пойманный в ловушку, по кабине лифта. Усталость и разочарование сделали его движения порывистыми, истерично-дерганными, очки едва держались на покрасневшем кончике носа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.